



ВИТАЛИЙ ВУЛЬФ
СЕРАФИМА ЧЕБОТАРЬ



**ВЛАСТЬ
ЖЕНЩИН**

от Клеопатры до принцессы Дианы

**Серафима Александровна Чеботарь
Виталий Яковлевич Вульф
Власть женщин. От Клеопатры
до принцессы Дианы
Серия «Самые желанные женщины»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7073210

*Виталий Вульф. Власть женщин. От Клеопатры до принцессы Дианы: Яуза, Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71787-3*

Аннотация

«Железная женщина» – не одна Маргарет Тэтчер заслуживала этого почетного звания. Во все времена, задолго до победы феминизма, великие царицы и королевы, фаворитки и принцессы опровергали миф о «слабом поле», не просто поднимаясь на вершины власти, но ведя за собой миллионы мужчин. Нефертити и Клеопатра, княгиня Ольга и Жанна д'Арк, Елизавета Тюдор и Екатерина Медичи, Екатерина Великая и королева Виктория, Индира Ганди, Голда Меир, Эвита Перон, Раиса Горбачева, Маргарет Тэтчер, принцесса Диана – в этой книге собраны биографии легендарных женщин, обрученных с властью и навсегда вписавших свои имена в историю.

Какую цену им пришлось заплатить за силу и славу? Совместима ли власть с любовью, семьей, детьми – с простым женским счастьем? И правда ли, что даже самые «железные» женщины тоже плачут?..

Содержание

Нефертити	5
Клеопатра	9
Княгиня Ольга	19
Жанна д'Арк	25
Екатерина Медичи	31
Елизавета Тюдор	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Виталий Вульф Власть женщин. От Клеопатры до принцессы Дианы

Нефертити



Красота пришла

Каждый, кто хоть раз видел ее изображение, уже никогда не забудет прекрасную египетскую царицу. Ее лицо, изысканное и одухотворенное, сейчас считается эталоном красоты, вдохновляя многих на сочинения легенд о его обладательнице. Прошло три с половиной тысячелетия, пески времени давно поглотили страну, которой она правила, превратив в прах все, что ее окружало, но, извлеченная из небытия, Нефертити снова властвует над миром.

В декабре 1912 года сотрудники археологической экспедиции Германского Восточного общества под руководством профессора Людвиг Борхарда, уже несколько лет раскапывающей окрестности египетской деревушки эль-Амарна, разбирали древний мусор, найденный в одном из раскопанных домов. Неожиданно среди песка и черепков они увидели лицо – великолепно сохранившийся (лишь было разбито одно ухо и отсутствовал левый зрачок) бюст женщины, совершенной в своей красоте, изящности линий и живости черт.

На прекрасную незнакомку сбежались посмотреть все члены экспедиции – многие потом признавались, что позже красавица не раз являлась им во сне. В тот день профессор Борхард записал в своем дневнике: «Она дышит жизнью... Это невозможно описать словами, это надо видеть». Как оказалось, это было изображение Нефертити, прекрасной царицы XVIII династии. Позже в том же доме – как считается, мастерской скульптора Тутмеса – были найдены еще несколько изображений Нефертити, а также ее дочерей и мужа – фараона Эхнатона. Лишь левый глаз статуи так и не был найден: позже установили, что его никогда не было. Считается, что это свидетельствует о том, что портрет прижизненный: по обычаю второй глаз статуе должны были вставить лишь после смерти, вселив в нее таким образом душу умершей.

В то время – да и сейчас – Египет позволял иностранным делегациям проводить раскопки на своей территории лишь с условием, что половина всех найденных сокровищ – на усмотрение египетской стороны – останется в стране. Но профессор Борхард так не хотел расставаться с бюстом царицы, что пошел на хитрость: он показал инспектору из службы охраны древностей Гюставу Лефевру снимок бюста, сделанный при плохом свете и с невыгодного ракурса, и к тому же указал в документах, что тот выполнен из гипса, а не из известняка. Невыразительная, судя по фотографии, работа не заинтересовала Лефевра, и бюст был беспрепятственно вывезен в Берлин.

В 1920 году он был подарен Берлинскому музею, и с тех пор началась всемирная слава Нефертити, не угасающая до сих пор. Возможно, свою роль в ее известности сыграл стиль ар-деко, зарождающийся в то время: лаконичные чистые линии и яркие цвета как нельзя лучше отвечали требованиям времени. С тех самых пор бюст Нефертити, наряду с маской Тутанхамона, силуэтами пирамид и обликом Сфинкса, символизирует для нас высокую культуру Древнего Египта.

Интерес к статуе закономерно вызвал и интерес к судьбе изображенной женщины – царицы Нефертити. Однако долгое время археологам удавалось найти о ней лишь отдельные упоминания, да и сейчас о Нефертити известно слишком мало, чтобы можно было однозначно судить о ее биографии. Между тем неослабевающее желание публики знать о древней красавице как можно больше побуждало историков сочинять одну версию ее жизни за другой – и теперь из имеющихся десятков вариантов каждый может выбрать версию себе по вкусу.

Ее имя традиционно переводят как «красота пришла». О ее происхождении мало что известно точно. Одни исследователи считают, что ее настоящее имя – Тадухиппа и она была дочерью царя Митанни Тушратты, которую выдали замуж за Аменхотепа III. В Египте она по

традиции приняла новое имя, которое достаточно ясно говорит о том, что его носительница иноземного происхождения. После смерти мужа молодая вдова, согласно обычаю, стала супругой его сына Аменхотепа IV, со временем добившись положения главной жены. Другие считают, что Нефертити – чистокровная египтянка и ее родителями были Эйе, один из ближайших сподвижников фараона Аменхотепа III, и его жена Тий – кормилица Аменхотепа IV. По крайней мере? царица Мутнеджемт, младшая сестра Нефертити, открыто называет Тий матерью. Они происходили из города Коптоса, и их предки были жрецами. Существует также предположение, что Эйе был братом Тий – главной и любимой жены Аменхотепа III. Тий (Тия или Тейе) имела огромное влияние на своего супруга: она играла при его дворе очень заметную роль, вместе с мужем принимая участие во всех дворцовых церемониях и праздниках, а также сопровождая его в поездках по стране. Сторонники египетской версии происхождения Нефертити считают, что именно Тий избрала ее в жены для своего сына: девушка происходила из приближенной ко двору семьи и к тому же отличалась необыкновенной красотой.

Юный Аменхотеп IV, занявший трон приблизительно в 1351 году до н. э., души не чаял в красавице-жене: их любви посвящены многочисленные фрески и рельефы, а также письменные тексты. Фараон, называвший жену «Усладой своего сердца», обращался к ней в одном из писем: «Любовь моя, Королева Юга и Севера, Возлюбленная моя, Нефертити, я бы хотел, чтобы ты жила вечно». На одном из рельефов даже изображен поцелуй Аменхотепа и Нефертити – считается, что это первое изображение любовной сцены в истории искусства. Портреты и статуи Нефертити встречаются гораздо чаще изображений ее супруга – по всей видимости, почитание прекрасной царицы было распространено по всей стране. Она завоевала любовь народа не только редкостной красотой, но и умом, обаянием, самоотверженностью и, конечно же, той глубокой любовью, которую она питала к своему супругу, – в царских семьях, где браки заключались исключительно по политическим соображениям, явление редчайшее во все времена.

Едва взойдя на престол, молодой фараон Аменхотеп ввел реформу, не имеющую себе равных по смелости замысла и размаху: в противовес многочисленным египетским богам он создал культ бога Атона, чьим олицетворением объявил солнечный диск. Как полагают исследователи, целью этой реформы было ослабить египетское жречество, захватившее слишком много власти, а также обеспечить с помощью единого культа единство довольно разрозненного египетского населения. Поначалу Атон мирно соседствовал с культами прежних богов – он лишь был провозглашен верховным божеством, так же, как солнце стоит выше всего мира. Но со временем Атон был объявлен единственным богом: храмы прежних богов были закрыты, жрецы разогнаны, их статуи разрушены. Себя же фараон объявил воплощением Атона, бессмертным абсолютным божеством, ведающим жизнями подданных и судьбой всего мира.

В религиозных церемониях, которыми сопровождался культ фараона, Нефертити принимала самое непосредственное участие: она была первой жрицей бога-фараона, его верной спутницей и соратницей. Вместе с мужем она насаждала новую веру, искренне и страстно служила и новому культу, и собственному мужу. Нефертити стала живым воплощением солнечной силы, дарующей жизнь всему существу: ей и ее статуям возносились молитвы и приносились жертвы. «Она проводит Атона на покой сладостным голосом и прекрасными руками с сестрами, – написано о ней на стене гробницы одного из вельмож ее супруга, – при звуке голоса ее ликуют». Другой текст называет ее «красавицей, прекрасной в диадеме с двумя перьями, владычицей радости, полной восхвалений, преисполненной красотами».

По версии иноземного происхождения Нефертити, культ солнца-Атона в Египет принесла именно она: митаннийцы издревле поклонялись солнцу, и будто бы прекрасная царица смогла обратить в свою веру и супруга.

В честь бога Атона были изменены имена фараонской четы, их детей и приближенных: Аменхотеп берет себе имя Эхнатона (Их-не-Айти, «Полезный для Атона»), а Нефертити отныне именуется Нефер-Неферу-Атон – «Прекрасная красотой Атона», то есть «красотой подобная солнцу». В трехстах километрах к северу от прежней столицы, прекрасных и пышных Фив, Эхнатон приказал построить новую – Ахет-Атон (Ах-Йати, «Заря Атона»), где строятся роскошные храмы и дворцы. Самым распространенным сюжетом росписей и барельефов, украсивших стены новой столицы, были удивительно реалистичные для жестко регламентированного египетского искусства изображения фараона, его супруги и их детей: вот Нефертити сидит на коленях у мужа, вот они играют с детьми, вот она с дочерьми молится богу Атону – диску со множеством рук. Любовь фараона и его жены стала символом нового правления и залогом благоденствия для всей страны.

Однако годы шли, а Нефертити так и не смогла подарить мужу сына и наследника: одна за другой у нее родились шесть дочерей. Как полагают исследователи, это стало причиной охлаждения фараона к прежде обожаемой супруге. Все чаще рядом с именем фараона упоминается не Нефертити, а Кийа – прежде второстепенная царица, теперь же полноправная правительница, владычица сердца Эхнатона. До нас дошли даже стихи, которые фараон посвятил своей новой любви. Имя же Нефертити постепенно исчезло из обихода – скорее всего, опальная царица жила в одном из загородных дворцов, проводя дни в сожалениях о прошлом.

Однако есть и другая версия разлада между Нефертити и ее мужем: в последние годы Эхнатон, под влиянием матери и под давлением обстоятельств, уже не так ревностно служил новому культу, вернув жрецам прежних богов многие права. Нефертити, которая была ревностной почитательницей культа Атона, не простила своему мужу предательства и удалась от двора.

Есть и третья, самая фантастическая версия: будто бы Эхнатон, отчаявшись дождаться от супруги наследника, но по-прежнему любя ее, взял себе новую жену – собственную дочь Меритатон, – а Нефертити сделал своим соправителем под мужским именем Сменхкара. Когда же Эхнатон скончался, Сменхкара правил Египтом единолично. Эта версия основывается на том, что у Нефертити и Сменхкары одинаковые личные и тронные имена.

Однако большинство ученых полагают, что Сменхкара был младшим братом Эхнатона или сыном от Кийи: он был женат на Меритатон и коронован еще при жизни Эхнатона, дабы избежать возможных споров о наследовании. Сменхкаре наследовал Тутанхатон, сын Эхнатона и Кийи, женатый на его дочери от Нефертити по имени Анхесенпаатон. Он окончательно отошел от культа Атона и даже сменил свое имя, назвавшись Тутанхамоном – благодаря счастливой случайности, не позволившей грабителям обчистить его гробницу, ныне он один из самых известных фараонов, хотя ничего великого он за свою жизнь не совершил.

Как считает большинство историков, Нефертити скончалась в Фивах незадолго до своего сорокалетия. Место ее захоронения неизвестно.

В 2003 году английский археолог Джоан Флетчер высказала предположение, что мумия, известная под номером 61072, принадлежит Нефертити. С помощью компьютерных технологий экспертам удалось на основе рентгеновских снимков мумии воссоздать ее облик – и, к изумлению самих ученых, полученное лицо было удивительно похоже на бюст, найденный когда-то профессором Борхардом в мастерской Тутмеса. Хотя исследование Флетчер было подвергнуто жестокой и местами справедливой критике, все равно хочется верить, что тело прекрасной царицы наконец было найдено.

Клеопатра



Прекрасный миф

Исследователи до сих пор спорят о том, какой была Клеопатра и какую роль сыграла она в мировой истории. Была ли она коварной соблазнительницей, интриганкой, роковой

красавицей, тщеславной властительницей или простолюбящей женщиной, отдавшей жизнь своей стране и своим мужчинам...

Она жила в те времена, когда люди умели создавать мифы – прекрасные истории, в которых простые смертные становились подобны богам. Образ Клеопатры, бережно обернутый в кокон романтических легенд, давно уже стал мифом: и пусть историки твердят, что она вовсе не была столь прекрасна, как описывали поколения восторженных поэтов, мы верим не им, а поэтам...

Плутарх писал, что Клеопатра «могуществом и блеском превосходила всех царей своего времени». В то время, когда мир подчинялся мужчинам, а их жены были обречены проводить жизнь на женской половине дома, Клеопатра взяла на себя смелость править мужчинами, подчинившими себе мир. Она и в свое время была, без сомнения, одной из самых известных женщин. Теперь же, благодаря сложившемуся за два тысячелетия образу роковой красавицы, умной правительницы и умелой интриганки, покорительницы мужчин, принявшей романтическую смерть, но не допустившей своего позора, растиражированному в сотнях произведений живописи, литературы и кинематографа, она и вовсе стала ярчайшим в мировой истории символом женщины, обладающей властью над мужчинами, – и в любви, и в политике...

Хотя для нас Клеопатра была и остается первой и единственной, это имя, означавшее «славная по отцу», в ее роду носили еще шесть женщин, сестер и жен царей. Она происходила из рода Птолемеев Лагидов – эллинистических царей Египта, правивших страной в IV–I веках до н. э. Основал династию Птолемей Сотер – ближайший друг, соратник и, по некоторым данным, сводный брат Александра Македонского, которому Египет достался после смерти великого полководца при дележе империи. Птолемей и его потомки правили из Александрии – города, основанного самим Александром, – в греческом духе, покровительствуя искусствам и наукам, строя библиотеки и музеи и ведя беспрерывные войны друг с другом и соседями.

От великих египетских фараонов прошлого они взяли очень мало: Птолемеи не знали египетского языка и поклонялись другим богам, однако женились на родных сестрах, как это было принято у древних фараонов, почитавших свое божественное происхождение и верящих в сакральную силу своей крови. Отцом Клеопатры был Птолемей XII Авлет, то есть «Флейтист», а матерью – либо сестра и супруга Птолемея Клеопатра Трифена, либо неизвестная наложница: мнения историков на этот счет расходятся. Авлет, правитель слабый, но хитрый, удерживался на престоле во многом благодаря поддержке Рима, которому он регулярно платил, и в итоге римляне хозяйничали в Александрии почти как у себя дома. Неудивительно, что египтянам это не нравилось – и в результате мятежа, разгоревшегося в 58 году до н. э., Птолемея Авлета свергли с престола, трон заняла его дочь Береника, а сам он вместе с женой бежал в Рим. Лишь через три года с помощью римских легионов, которыми командовал молодой римлянин Марк Антоний, Авлет смог вернуть себе власть. Голову Береники ему поднесли на блюде – по свидетельству историков, Клеопатра тайком наблюдала за этой сценой.

Она родилась в ноябре 69 года до н. э., предположительно в Александрии. О детстве и юности Клеопатры известно очень мало: можно лишь предполагать, что ее время было поделено между официальными церемониями и учебой, а на игры его, скорее всего, не оставалось совсем. Известно, что Клеопатра знала множество языков – включая египетский, которым не владел почти никто из Птолемеев, – умела играть на музыкальных инструментах и петь, разбиралась в политике, искусстве, литературе и множестве других вещей. Она была любознательна и умна, и, скорее всего, многому научилась самостоятельно. В то время, когда

ни греки, ни римляне традиционно не уделяли образованию своих дочерей особого внимания, Клеопатра – умная, образованная, с сильным характером – не знала себе равных.

Ее отец скончался в 51 году до н. э. и в завещании передал престол дочери Клеопатре, старшей из оставшихся в живых детей, и сыну Птолемею XIII, которому тогда не было и десяти лет. По обычаю Клеопатра, взяв себе официальное имя Теа Филопатор (богиня, любящая отца), и Птолемей Теос Филопатор вступили в брак – по египетским законам, незамужняя женщина не может править страной, да и замужняя обязана делить трон с супругом. Скорее всего, этот брак, как и совместное правление, по крайней мере в первые годы, оставался формальным: Птолемей был слишком юн, а Клеопатра слишком своевольна. Именно к этому периоду ее жизни относится самая, пожалуй, известная легенда о Клеопатре: будто бы она соглашалась провести ночь с любым, кто захочет, но при одном условии – наутро любовника царицы должны были казнить. По словам римского историка Аврелия Виктора – впрочем, весьма пристрастного, – Клеопатра «обладала такой красотой, что многие мужчины своей смертью платили за обладание ею в течение одной ночи». Однако последние изыскания показывают, что слухи о красоте Клеопатры были весьма преувеличены: она была невысока ростом, обладала, как и все Птолемеи, крупным носом и острым подбородком, а с годами еще и потолстела. Однако ее обаяние и женственность, подкрепленные знанием любовной науки, были всепобеждающими.

Молодая царица мечтала возродить величие своей династии, изрядно потрепанное смутами, поражениями в войнах и дипломатическими неудачами. Пока еще не зная, как это сделать, она, в отличие от предшественников, смогла наладить отношения со сторонниками древнего Египта: Клеопатра была первой после нескольких поколений Птолемеев, кто говорил с египетскими жрецами не просто на одном языке, но и понимал смысл исполняемых ими обрядов. Образ жизни Клеопатры, ее представления о величии страны и ее рода отвечали представлениям народа о том, какими должны быть истинные фараоны, – неудивительно, что за пределами раздираемой интригами столицы ее почитали как воплощение богини Изиды.

Зато среди приближенных ее отстраненного от власти брата зрело недовольство – они сами хотели править страной. Наконец в 48 году до н. э. советник и воспитатель юного Птолемея евнух Потин, полководец Ахиллас и еще несколько придворных малолетнего царя подняли мятеж против Клеопатры, так что юная царица была вынуждена бежать в Сирию. Там она собрала войско, с помощью которого намеревалась вернуть себе трон.

В это время в Египет прибыл Гай Юлий Цезарь, только что победивший своего главного противника, Гнея Помпея Великого, в сражении при Фарсале. Помпей прибыл в Александрию на несколько дней раньше, надеясь получить помощь, но Потин и Ахиллас предпочли не ссориться с Цезарем и незамедлительно убили Помпея. К их удивлению, Цезарь был весьма рассержен: своих врагов он всегда предпочитал уничтожать сам. Воспользовавшись царящей в стране смутой, он решил утвердить там власть Рима: богатый и процветающий Египет был необходим ему, лишь недавно подчинившему себе Рим, и как возможный союзник, и как торговый партнер. Цезарь заявил о своем праве рассудить конфликт между Клеопатрой и Птолемеем: но если Птолемей был неподалеку и смог незамедлительно в сопровождении Потина прибыть к Цезарю, то Клеопатре пришлось добираться до столицы тайком. По преданию, влюбленный в царицу сириец Аполлодор довез ее, одетую как простую служанку, в рыбацкой лодке до Александрии, а затем пронес в покои Цезаря в мешке для постели. В фильмах чаще изображают роскошный ковер, из которого перед глазами Цезаря предстает юная красавица, но историки настаивают на том, что в ковер Клеопатру все же не заворачивали. Впрочем, тем эффектнее было появление Клеопатры, бросившейся к ногам Цезаря и умолявшей его защитить ее права. Можно только догадываться, как именно уговаривала

молодая царица великого римлянина, но наутро он официально объявил всей Александрии, что Клеопатра правит Египтом согласно завещанию отца и при его, Цезаря, поддержке.

Историки сходятся на том, что Цезарь был пленен Клеопатрой с первой встречи. Он с молодости славился на весь Рим как ценитель женской красоты и своими любовными похождениями даже завоевал себе прозвище «мужа всех жен», но в зрелом возрасте – а на момент встречи с Клеопатрой ему было около пятидесяти трех лет – научился ценить не только внешнюю привлекательность, но и душевные качества: ум, смелость, находчивость, обаяние и образованность – всем этим Клеопатра обладала в полной мере. Плутарх писал о ней: «Красота этой женщины была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимою прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад, – на любое наречие».

Она была совершенно не похожа ни на римских матрон, чьим главным достоинством считалась добродетель, а главной добродетелью – послушание, ни на диких варварок, свободных духом и телом, но необразованных и не знающих манер. Клеопатра была единственной в своем роде, уникальной и неповторимой – и Цезарь не устоял. Не вызывает сомнения, что и Клеопатра влюбилась: среди изнеженных, изворотливых и пресмыкающихся перед нею мужчин, которыми Клеопатра была окружена всю жизнь, не было никого, хотя бы отдаленно похожего на Цезаря – сильного, волевого и властного воина и правителя. Цезарь, мужественный и доблестный, сильный характером и телом, не знал себе равных не только в окраинном Египте, но и в самом Риме, славном своими воинами. Конечно, Клеопатра приложила все усилия, чтобы накрепко привязать к себе Цезаря, который, без сомнения, нравился ей и как мужчина, и как государственный муж, на которого она хотела бы равняться или чью силу использовать.

Забыв про все, Цезарь проводил дни и ночи в объятиях Клеопатры, – однако вскоре оказалось, что его беспечность едва не обошлась ему слишком дорого. Возмущенная грубым обращением римских солдат Александрия восстала, требуя отдать власть младшей сестре Клеопатры Арсиное; небольшое войско Цезаря, вместе с ним и Клеопатрой, оказалось буквально заперто во дворце. С одной стороны к столице приближались верные Птолемею египетские войска, с другой – бывшие легионы Помпея. Лишь подоспевшее вовремя подкрепление спасло Цезаря и Клеопатру, в январе 47 года до н. э. в битве у Мареотийского озера египетские войска были разгромлены, Птолемея утонул при бегстве, Потин был казнен, а Арсиноя взята в плен.

Свою победу Цезарь и Клеопатра отпраздновали путешествием по Нилу – два месяца в сопровождении более четырехсот кораблей они плыли вверх по реке, развлекая себя пышными празднествами и охотой. Благодаря поддержке Цезаря Клеопатра, хоть и вынужденная снова вступить в брак с очередным своим братом, Птолемеем XIV Неотеросом, стала единоличной правительницей Египта.

В конце весны Цезарь покинул Клеопатру – дела в Риме требовали его срочного вмешательства. В июне Клеопатра родила сына, названного Птолемея Цезарь: полководец признал его и даже позволил дать ему свое родовое имя, однако в историю мальчик вошел как Цезарион – «Цезаренок», прозвище, которое дали ему острые на язык александрийцы. Как раньше Клеопатра была объявлена воплощением богини Изиды, так теперь Цезарион был провозглашен воплощением бога Гора, ее сына, – символа царственного величия и сакрального покровителя египетских фараонов.

Год Цезарь провел в битвах, а Клеопатра – в заботах о сыне. Наконец он вызвал ее – вместе с сыном и братом-мужем – в Рим: формально для того, чтобы заключить союз между

их странами, а на самом деле, разумеется, для того, чтобы иметь возможность ее видеть. Цезарь выделил ей роскошную виллу на берегу Тибра, где она жила со всей доступной роскошью: рядом с виллой была даже воздвигнута копия храма Изиды. Поначалу Клеопатру принимали в Риме как почетную гостью: при въезде в город ее встречала почетная делегация, и после многие знатные римляне спешили нанести ей визит, с удивлением находя в варварской царице образованность, изящное обхождение, достоинство и немалое женское обаяние. Великий оратор Цицерон писал о ней: «Ее сан, великолепные одеяния и два выдающихся достоинства – прекрасные глаза и великолепный голос – покоряют неосторожных».

Однако самым неосторожным оказался сам Цезарь. Он не только открыто выставил на всеобщее обозрение свою связь с Клеопатрой – при том, что был давно женат на Кальпурнии, достойной женщине из уважаемого древнего рода, с которой продолжал жить под одной крышей. Он даже повелел установить статую Клеопатры в храме Венеры (Венера считалась прародительницей рода Юлиев, к которому принадлежал Цезарь), и статуе воздавались божественные почести – при том, что Цезарь был великим понтификом и в силу своей должности был обязан следить за правильностью соблюдения обрядов. Все это, наряду с вызывающе вольным поведением и чересчур, по пуританским меркам республиканского Рима, роскошным образом жизни египетской царицы, стало вызывать недовольство. По городу поползли слухи, что Цезарь собирается развестись с Кальпурнией, жениться на Клеопатре и сделать ее сына наследником Рима, что для римлян, исторически ненавидевших наследственную царскую власть (титул императора означал лишь воинскую доблесть и вовсе не был ни наследственным, ни даже пожизненным), было недопустимо. Многие историки считают, что эти слухи ускорили решение заговорщиков избавиться от Цезаря – как известно, он был убит в здании Сената 15 марта 44 года до н. э. После смерти Цезаря его деньги, власть и войска получил Марк Антоний – его родственник, воспитанник, соратник и ближайший друг.

В обнародованном завещании Гая Юлия Цезаря не было ни слова о Цезарионе – таким образом, официально он так и не стал сыном Цезаря. Вместо этого Цезарь официально усыновил своего внучатого племянника Гая Октавиана, не побоявшегося принять наследство и вступить в конфликт с Марком Антонием.

Но этого Клеопатра не увидела. Через месяц после гибели Цезаря она покинула Рим.

Не прошло и года, как при загадочных обстоятельствах скончался брат и супруг Клеопатры, Птолемей XIV, совсем немного не доживший до своего шестнадцатилетия. Многие историки, например, Иосиф Флавий, считают, что Птолемей был отравлен сестрой – с тех пор, как у нее появился сын, она не нуждалась в соправителе-супруге. Так это или нет, мы никогда не узнаем; но уже в сентябре 44 года до н. э. Цезарион был провозглашен фараоном под именем Птолемея XV Филопатра Филометра (то есть «Любящего отца» и «Любящего мать») Цезаря. Соправителем и регентом при нем была Клеопатра – так что на самом деле она правила страной единолично.

Несколько лет прошли трудно: неурожаи из-за недостаточного разлива Нила – главного кормильца страны – постоянно грозили обернуться бунтами. Однако Клеопатра сильной рукой правила своей страной, проводя реформы и борясь с чиновничьим произволом, и за несколько лет сумела вернуть Египту процветание и благоденствие. В то же время разгоревшаяся после смерти Цезаря война между его сторонниками-цезарианцами, во главе с Марком Антонием и Октавианом, и убийцами-республиканцами, возглавляемыми Кассием и Брутом, затронула практически все Средиземноморье, и Клеопатре, без сомнения, пришлось приложить немало ума и хитрости, лавируя между двух лагерей. Известно, что египетский наместник на Кипре снабжал Кассия деньгами и флотом – мнения историков расходятся, знала ли об этом Клеопатра: с одной стороны, таким образом она бы помогала убийцам собственного любовника, отца ее сына, за которого она – по слухам – мечтала выйти

замуж, с другой стороны, вряд ли кто-нибудь из египетских чиновников осмелился бы на столь серьезный шаг, не заручившись согласием царицы. Некоторые считают, что и корабли, и деньги изначально предназначались цезарианцам, однако были перехвачены их противниками.

Как бы то ни было, в битве при Филиппах в октябре 42 года до н. э. республиканцы были разбиты, и власть получил триумvirат – Октавиан, Марк Антоний и Марк Эмилий Лепид, поделившие между собой страну. Антоний, получивший войско и власть над восточной половиной, отправился в Малую Азию, чтобы исполнить мечту Цезаря – покорить Парфию. Во время подготовки к парфянскому походу ему донесли, что Клеопатра, царица Египта, тайно помогала республиканцам: для правительницы, посаженной на трон силой римских легионов – а именно так смотрели на нее из Рима – этот донос мог стать роковым. Антоний, ставший лагерем в Киликии, в городе Тирс, призвал Клеопатру к себе. Он вряд ли хотел справедливости – зато точно намеревался стребовать с Египта огромный штраф, дабы на эти деньги снарядить свое войско.

Клеопатра знала, с кем ей придется иметь дело. Антоний бывал в Египте еще во времена ее отца, и позже, когда Клеопатра была в Риме, она имела возможность наблюдать за ним, в то время лучшим другом и ближайшим соратником Цезаря. Она знала, что Антоний был влюбчив и тщеславен, падал на женскую красоту, любил лесть и роскошь, почитал себя единственным наследником Цезаря и воплощением Геракла – мифического прародителя рода Антониев. На Геракла он и правда был похож: как писал Плутарх, «Он обладал красивой и представительной внешностью. Отличной формы борода, широкий лоб, нос с горбинкой сообщали Антонию мужественный вид и некоторое сходство с Гераклом, каким его изображают художники и ваятели... Он старался подкрепить это и своей одеждой: всякий раз, когда ему предстояло появиться перед большим скоплением народа, он опоясывал тунику у самых бедер, к поясу пристегивал длинный меч и закутывался в тяжелый военный плащ... Даже то, что остальным казалось пошлым и несносным – хвостовство, бесконечные шутки, неприкрытая страсть к попойкам..., – солдатам внушало удивительную любовь и привязанность к Антонию». Клеопатра понимала, что, если она приедет в Тирс, на карте будут стоять ее жизнь и царство, и решила действовать наверняка.

...Говорят, Антоний уже начинал гневаться на египтянку, которая явно не торопилась предстать перед ним, как ему доложили, что по реке Кидн к лагерю плывет роскошный корабль: корма у него позолочена, весла покрыты серебром, а паруса пурпурные. Судном правили девушки в одеяниях нимф, десятки музыкантов играли на флейтах и кифарах, а на главной палубе восседала Клеопатра в образе богини любви Венеры. Ошеломленный невиданной роскошью Антоний забыл все приготовленные гневные речи – и вместо того, чтобы, как собирался, высказать Клеопатре свои претензии, лишь молча любовался необычайным зрелищем. На следующий день он был приглашен на обед, поразивший его невероятным разнообразием блюд и богатством обстановки. Клеопатра добила своего: Антоний пал к ее ногам, как покоренный город падает к ногам победившего полководца.

Некоторые говорят, что Антоний влюбился в Клеопатру, еще когда впервые был в Египте – ей тогда было около четырнадцати, и у нее не было еще ни власти, ни богатства, ни опыта в любовных войнах. Другие считают, что он был очарован ею, когда она в качестве любовницы Цезаря жила в Риме: зрелая красавица в роскошных одеяниях стала для сподвижника императора одним из символов его мощи. Наконец в Тирсе, когда он надеялся увидеть ее униженной и молящей о прощении, перед ним явилась царица, обладавшая величием, силой и непреодолимым очарованием власти. Римский историк Аппиан писал: «Клеопатра, царица Египта, встретила с ним и сразу, с первого взгляда, завладела его сердцем. Эта любовь довела до крайних бедствий их обоих, а за ними и весь Египет».

Что касается чувств самой Клеопатры, то тут историки единодушны: с ее стороны это был – по крайней мере поначалу – голый расчет. «У нее, – замечает историк Гуго Вилльрих, – как у настоящей дочери Птолемея, не было ничего женственного, кроме тела и хитрости. Свою наружность, таланты, всю себя Клеопатра всегда подчиняла холодному расчету, постоянно имея в виду интересы государства, или, вернее, свои личные выгоды». Антоний был нужен ей и ее стране – и она получила Антония, который своими легионами мог бы и защитить ее от любых неприятностей, и помочь исполнить давнюю мечту – возродить величие Египта. Не стоит забывать и о том, что Египет давно мог бы стать римской провинцией, если бы римские полководцы уделяли больше времени политике, чем прелестям египетской царицы...

Очарованный Клеопатрой, Антоний быстро забыл про парфянский поход, отдав свои силы не военным подвигам, а любовным. Оставив войско, он последовал за царицей в Александрию, где та закружила его в вихре разнообразнейших развлечений. Быстро поняв, что нужно Антонию, она ни секунды не давала ему скучать, всегда придумывала что-то новое, вела себя как подобает подруге солдата, а не благовоспитанной царице, разделяя с Антонием все его забавы. Плутарх писал: «Вместе с ним она играла в кости, вместе пила, вместе охотилась, была в числе зрителей, когда он упражнялся с оружием, а по ночам, когда он, в платье раба, бродил и слонялся по городу, останавливаясь у дверей и окон домов и осыпая обычными своим шутками хозяев – людей простого звания, Клеопатра и тут была рядом с Антонием, одетая ему под стать». В ответ очарованный Антоний исполнял любое желание Клеопатры, став лишь оружием в ее руках. Он признал Цезариона наследником, подавил недовольство в Александрии, и даже приказал – по желанию Клеопатры – убить ее сестру Арсиною, когда-то претендовавшую на престол.

Вместе с ближайшими приближенными Клеопатра и Антоний организовали так называемый «Союз неподражаемых», проводивший время в непрестанных развлечениях: изысканнейшие пиры, охота, театральные празднества и экзотические развлечения следовали одно за другим, не давая Антонию опомниться. Про забавы Антония и Клеопатры рассказывают множество анекдотов. Однажды они соревновались в рыбной ловле – и хотя клев был плохой, Антоний одну за другой вытаскивал отличных рыбин. Клеопатра догадалась, что рыб ему на крючок насаживают ныряльщики – тогда она послала в реку своего раба, и в следующий раз Антоний, на потеху собравшимся, вытащил вяленую и потрошеную рыбину... В другой раз Клеопатра поспорила с Антонием, что сможет истратить за один обед огромную сумму – и в конце пиршества торжественно растворила в уксусе огромную жемчужину, а уксус выпила.

Полтора года Антоний провел в Александрии, очарованный Клеопатрой. Пока он развлекался, забыв обо всем, парфяне перешли в наступление, отвоевав немалые территории, а в Риме супруга Антония Фульвия поссорилась с Октавианом, спровоцировав военный конфликт. Как считал Плутарх, таким образом Фульвия надеялась вырвать Антония из объятий Клеопатры, и она почти добилась своего: летом 40 года до н. э. Антоний, бросив все, помчался в Рим – в дороге его настигло известие о том, что Фульвия, спешившая к нему навстречу, внезапно заболела и умерла.

Назревавший было разрыв с Октавианом был предотвращен: в знак примирения Антоний передал Октавиану часть своего флота для борьбы с досаждавшими Апеннинам пиратами, а тот взамен отдал под командование Антония несколько легионов для парфянской кампании. Чтобы окончательно закрепить их союз, Октавиан предложил Антонию руку своей только что овдовевшей сестры Октавии Младшей – по свидетельству историков, женщины редкой красоты и неисчислимых добродетелей. Особый указ Сената разрешил Октавии вступить в брак до истечения срока обязательного траура и будучи беременной от покойного мужа – возможно, сторонники этого союза надеялись, что добрый нрав и рассу-

дительность Октавии обуздывают бурный характер Антония. По договору с Октавианом Антонию досталась в управление восточная часть Римской империи: он поселился с женой и их детьми от предыдущих браков в Афинах и три года мирно жил, даже не вспоминая об оставшейся в Египте Клеопатре. Октавия родила ему двух дочерей – Антонию Старшую и Антонию Младшую: по обычаю, дочери не имели личных имен, получая лишь родовое имя.

Между тем оставленная любовником Клеопатра родила близнецов: мальчика, названного Александр Гелиос (то есть «Солнце»), и девочку Клеопатру Селену («Луну»). Что думала она, на что надеялась, чем жила – об этом историки умалчивают. Ежедневные женские заботы не интересуют ученых мужей, занятых изучением судеб мира...

Осенью 37 года до н. э. Антоний отправился в Сирию. Как писал Плутарх, «Любовь к Клеопатре – эта страшная напасть, так долго дремавшая и, казалось, окончательно усыпленная и успокоенная здравыми рассуждениями, – вспыхнула вновь и разгоралась все жарче, по мере того как Антоний приближался к Сирии». Клеопатра выехала ему навстречу: они встретились в Антиохии, и их страсть вспыхнула с новой силой.

Легионы Антония, возглавляемые легатом Вентидием, разгромили парфян, и Антоний установил власть Рима по всему побережью Малой Азии. Клеопатра же – официально в обмен на обещание финансовой помощи парфянскому походу, на деле, конечно же, из личной симпатии – получила в подарок несколько богатых городов в Сирии и Киликии, которые когда-то принадлежали Птолемям, но были утеряны в результате неудачных войн. Ее мечта начала сбываться – с помощью Антония она почти восстановила границы Египта, каким он был при первых Птолемах. Через год Клеопатра родила Антонию третьего ребенка – сына Птолемея Филадельфа. Союз Антония и Клеопатры был настолько могущественен, что Октавий не на шутку забеспокоился: он даже велел Октавии, под предлогом сопровождения посланного в Малую Азию подкрепления, присоединиться к мужу, однако Антоний, узнав об этом, приказал ей вернуться домой – говорят, причиной этому была ревность Клеопатры, которая даже угрожала возлюбленному самоубийством, если тот ее покинет. Чтобы изгнать всякую мысль о жене, она окружила Антония еще большей заботой, любовью и роскошью, то поражая его невиданными развлечениями, то демонстративно рыдая, обвиняя Антония в черствости и жестокости. Она добилась своего: Антоний развелся с Октавией и официально женился на Клеопатре, признав детей. После неожиданно успешной военной кампании 35 года до н. э., когда Антоний покорил Мидию и пленил царя Армении Артавазда Второго, он отпраздновал традиционный триумф не в Риме, а в Александрии, и к тому же раздал завоеванные земли детям Клеопатры: Александр Гелиос получил Армению и земли за Евфратом, Птолемей Филадельф – Сирию, а Клеопатра Селена – Киренаику. Цезарион же был признан повелителем Египта и получил титул царя царей. Любовь Антония дошла до того, что имя Клеопатры выбивали на щитах легионеров, а ее профиль красовался на монетах рядом с профилем самого Антония.

Все это категорически не нравилось римлянам: Антоний вел себя как восточный деспот, а не как гражданин великой республики, позволяя себе выходки, несовместимые с жестким кодексом римской морали. Октавиан не без оснований подозревал Клеопатру в желании завладеть всем Средиземноморьем: с помощью легионов и флота, которым командовал Антоний, она могла бы начать войну с Римом, и кто знает, как бы тогда сложилась история. Он без устали осыпал проклятиями коварную египтянку, околдовавшую и покорившую великого римлянина, и в конце концов сам объявил ей войну.

Антоний обладал огромным флотом из тяжелых боевых кораблей и большой армией, к его услугам были все ресурсы богатых малоазиатских провинций. Но присутствие Клеопатры, изнеженная обстановка ее двора и непрестанные роскошные празднества расслабляли его. Вместо того, чтобы заняться подготовкой войск, он тратил время на развлечения и увеселения, а его солдаты, озлобленные интригами Клеопатры или испуганные слухами о ее

мстительном характере, потихоньку перебежали к Октавиану; в его лагерь сбежал даже один из вернейших сторонников Антония Квинт Деллий, которому рассказали, что из-за неудачной шутки Клеопатра собирается подослать к нему убийц.

В Риме росло недовольство прежним всеобщим любимцем. Октавиан – в обход всех законов – обнаружил хранившееся у весталок завещание Антония, в котором он признавал Клеопатру своей законной супругой, ее детей – своими, а себя велел похоронить в Египте, рядом с Клеопатрой. Такое отсутствие патриотизма у прежнего триумвира вызвало бурю недовольства среди римлян. В отместку Антоний повелел выгнать Октавию, сестру своего врага, из дома – раз они были в разводе, она не имела права там находиться. Это вызвало среди римлян настоящую бурю: Октавия пользовалась всеобщим уважением. Если раньше Рим ненавидел Клеопатру, то теперь он возненавидел Антония.

Войска Октавиана заблокировали армию Антония в Амбракийском заливе. По настоянию Клеопатры он решил дать морской бой: два флота сошлись в битве при Акциуме 2 сентября 31 года до н. э. Поначалу перевеса не было ни у одной из сторон: у Антония суда были мощнее и лучше защищены, зато корабли Октавиана оказались маневреннее, а их команды – опытнее. Бой вяло протекал несколько часов, как внезапно флагманский корабль, на котором находилась Клеопатра, а следом за ним и все египетские корабли развернулись и покинули поле боя. Историки расходятся в оценках этого поступка: одни пишут, что Клеопатра, осознавая неминуемость поражения, пыталась спасти все, что удастся. Другие говорили, что у слабой женщины просто сдали нервы. Третьи сочли, что Клеопатра решила бросить Антония на растерзание врагу, выторговав себе таким образом милость Октавиана. Четвертые считают, что это был заранее спланированный маневр, но Антоний в пылу битвы забыл об этом или просто испугался за судьбу любимой женщины. Как бы то ни было, Антоний, увидев маневр египетских кораблей, бросил флот и в одиночку последовал за возлюбленной. Плутарх писал: «В этот момент Антоний показал миру, что его поступками перестали руководить мысли и побуждения вождя и мужчины... Антоний, поспешая за Клеопатрой, упустил победу из рук». Битва была проиграна: флот сдался, а скоро к Октавиану перешла и оставшаяся без военачальника армия.

Антоний и Клеопатра вернулись в Александрию. Обоим было ясно, что их конец неминуем: но если Клеопатра разрабатывала один план спасения за другим, то Антоний впал в апатию и смиренно ждал конца. Клеопатра отправила Цезариона вместе с верными людьми и огромной суммой денег на Восток, а сама планировала спастись в Индии, для чего велела перетащить оставшиеся суда волоком через Суэцкий перешеек из Средиземного моря в Красное. Однако часть кораблей была сожжена арабами, а остальные разграблены разбойниками или собственной командой. Клеопатра пыталась созвать народное ополчение, но безуспешно. Тогда она предложила Октавиану сдаться в обмен на обещание сохранить им жизни, но тот заявил, что помилует Клеопатру – и, возможно, даже сохранит ей трон – лишь в том случае, если она выдаст или убьет Антония. Царица отказалась: возможно, она не любила Антония так сильно, как он ее, возможно, она использовала его в своих целях, но она не собиралась его предавать.

Когда все ее планы потерпели неудачу, она приготовилась достойно принять поражение. Она, Антоний и их ближайшие соратники организовали «союз смертников», члены которого поклялись умереть вместе. В ожидании скорого конца они проводили время в пирушках и развлечениях – в то время как Клеопатра, готовясь к смерти, испытывала на рабах яды, выбирая, какой из них убьет ее наиболее быстро и безболезненно. Она даже велела загодя воздвигнуть себе гробницу, куда слуги перенесли ее драгоценности и казну.

К концу июля Александрия была окружена римскими войсками; вся армия Антония перешла на сторону Октавиана. Клеопатра укрылась в гробнице, а Антоний в отчаянии ищет смерти в сражении – но, увы, в этой последней милости богов ему было отказано: воевать на

его стороне никто не хотел. В этот момент он услышал, что Клеопатра покончила с собой: обезумевший от горя Антоний, верный смертельной клятве, бросился на собственный меч.

Он умер не сразу – истекающего кровью Антония доставили к Клеопатре, и он скончался у нее на руках. Октавиан милостиво позволил похоронить его со всеми подобающими почестями.

Многие историки утверждают, что Клеопатра пыталась очаровать и Октавиана – как когда-то Цезаря, как недавно Антония. Но Октавиан не поддался обаянию царицы: она была уже немолода, волнения последних лет и нездоровый образ жизни разрушили ее былую красоту. Другие говорили, что она пыталась вслед за Антонием покончить с собой, заморив себя голодом, но Октавиан пригрозил ей, что в таком случае убьет ее детей. Клеопатра была нужна ему: в назидание всем врагам ее должны были провести вслед за его колесницей во время триумфа в Риме. По приказу Октавиана Клеопатру охраняли днем и ночью...

Двенадцатого августа, накануне планировавшегося отплытия в Рим, Октавиан получил от Клеопатры послание, в котором она просила похоронить ее рядом с Антонием. Октавиан немедленно бросился в ее покои, но было уже поздно. Он нашел царицу Египта лежавшей в полном царском облачении на постели – мертвой. Рядом лежали тела двух ее любимых слуганок. Считается, что царица скончалась от укуса египетской кобры, которую доверенный слуга пронес в корзине со смоквами.

Многие оспаривают эту легенду, утверждая, что яда одной змеи не хватило бы на троих женщин. Возможно, у царицы была отравленная шпилька или перстень с ядом. Как бы то ни было, она отстояла свою честь – во время триумфа Октавиану пришлось обойтись без нее. Вместо Клеопатры за колесницей волочили ее золотую статую...

Дети Клеопатры и Антония были увезены в Рим, где о них, в память о муже, заботилась Октавия. Она прожила долгую жизнь и до самой смерти пользовалась глубочайшим уважением сограждан. Цезарион, которому обещали милость Октавиана, вернулся в Египет, где был захвачен римлянами. По преданию, Октавиан долго колебался в выборе судьбы последнего фараона Египта, но в конце концов велел казнить его, сказав: «Нехорошо многоцезарство». С гибелью Цезариона род Птолемеев пресекся, и Египет стал римской провинцией.

Исследователи до сих пор спорят о том, какой была Клеопатра и какую роль сыграла она в мировой истории. Была ли она коварной соблазнительницей, интриганкой, роковой красавицей, тщеславной властительницей или просто любящей женщиной, отдавшей жизнь своей стране и своим мужчинам? У них нет и никогда не будет ответа. Ее жизнеописание были написаны пристрастными историками, желавшими очернить ее имя или преумножить славу тех, кто любил ее, возвысить ее победителей или, наоборот, низвергнуть их с пьедестала. Ее достоверных изображений не сохранилось, а те, что дошли до нас, представляют Клеопатру вовсе не той изысканной красавицей, какой рисуют ее легенды. Но нам все равно: Клеопатра давно стала мифом, и этот миф столь прекрасен, что останется навсегда.

Княгиня Ольга



Святая княгиня

Нет в русской истории женщины более уважаемой и более прославляемой, чем святая княгиня Ольга. Хотя все историки отмечают, что среди ее деяний были и излишняя жестокость, и обман, и вероломство, она, тем не менее, считается одним из достойнейших правителей земли Русской. А с тех пор, как княгиня была причислена к лику святых, почитание ее будет вечным – пока жив русский народ и христианская церковь.

О ее происхождении нам неизвестно почти ничего: многочисленные летописи расходятся во мнениях, и установить правду теперь, спустя тысячу лет, почти невозможно. Одни хроники называют Ольгу нормандкой, другие – дочерью болгарского царя. Повесть временных лет рассказывает, что Ольга была родом из-под Пскова, из деревни Выбуты, а Типографская летопись упоминает, что Ольга происходила из рода Гостомысла, легендарного новгородского старейшины, и от рождения звалась Прекрасой. Некоторые же исследователи считают, что Ольга была дочерью прославленного Вещего Олега – соратника Рюрика и воспитателя его сына Игоря.

Сторонники этой версии полагают, что Олег женил Игоря на своей дочери, дабы передать им великое княжение. Однако житие святой Ольги придерживается версии псковского происхождения будущей княгини.

Существует легенда о первой встрече Ольги и Игоря: тот охотился в псковских лесах, и в один прекрасный момент дорогу ему преградила река. Он подзвал проплывающего мимо на лодке юношу и попросил перевезти его на другой берег, но потом увидел, что лодкой правит не юный отрок, как он поначалу решил, а прекрасная девушка.

Красота ее немедленно разожгла в князе огонь желания – но когда тот попытался овладеть девушкой, та решительно ответила: «Зачем смущаешь меня, княже, нескромными словами? Пусть я молода и незнатна, и одна здесь, но знай: лучше для меня броситься в реку, чем стерпеть поругание». Устыдившийся Игорь прекратил свои домогательства и щедро одарил перевозчицу, но его так впечатлили и слова красавицы, и ее облик, что, когда ему пришла пора жениться, он велел разыскать ее и привезти в Киев, где немедленно обвенчался с нею.

Ни дата свадьбы, ни обстоятельства ее в современных летописях не указаны – все легенды более позднего происхождения. Можно лишь догадываться, что Игорь и Ольга жили в любви и согласии, под крылом князя Олега, щедро делившегося с ними государственной мудростью.

По утверждению Иоакимовской летописи, Игорь, хотя и имел, по тогдашнему обычаю, несколько жен, более всех любил и уважал именно Ольгу; прочие же утверждают, что из любви к прекрасной княгине Игорь больше не брал себе жены.

Возможно, секрет их семейного счастья заключался в том, что супруги поделили сферы влияния: пока Игорь был в военных походах – а воевал он немало – и его домом, и государством управляла Ольга, действуя мудро, справедливо и рачительно.

Летом 941 года Игорь ходил на Царьград, как тогда называли на Руси Константинополь, а через год у Ольги родился сын, названный Святославом. Однако Игорь недолго радовался сыну: в 945 году Игорь погиб.

Согласно летописям, осенью его дружина потребовала увеличить выплачиваемое ей содержание, и Игорь отправился за данью в Искоростень, к древлянам: собрав больше, чем обычно, он, однако, не удовлетворился полученным. На полпути он отпустил основную дружину домой, а сам с малым войском вернулся к древлянам и потребовал еще. По словам Повести временных лет, «Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так

и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». По преданию, жадного князя привязали к верхушкам двух деревьев, которые разорвали Игоря надвое.

Древляне похоронили Игоря, а к его вдове отправили посольство, предложившее ей выйти замуж за их князя Мала. Сейчас подобное предложение – выйти замуж за убийцу собственного мужа – выглядит невероятным, но в те времена оно было в обычае: убивший, особенно в поединке, не только мог претендовать на власть и имущество побежденного, но и брал на себя обязанности покойного, в том числе по отношению к его вдове и детям.

Однако Ольга, истинная наследница варяга Олега, не пожелала подобной участи: она жестоко и коварно отомстила древлянам.

Первое посольство она приняла с почетом – и надоумила послов потребовать, чтобы князьему терему их наутро принесли на руках прямо в их ладье. Всю ночь перед теремом рыли глубокую яму – и когда послов принесли, как те и просили, посуху в ладье, то сбросили ладью в яму. По словам летописи, «Ольга посмотрела на них из терема и спросила: «Довольны ли честью?» А они закричали: «Ох! Хуже нам Игоревоу смерти». После чего яму забросали землей, заживо похоронив послов.

Коварная Ольга попросила древлян снова прислать ей посольство – но и оно было уничтожено: пока послы мылись в бане, готовясь к встрече с княгиней, двери бани заложили, а саму баню подожгли.

После этого Ольга с малой дружиной прибыла к Искоростеню, чтобы по обычаю справиться тризну на могиле супруга.

Во время погребального пира древлян по ее приказу напоили допьяна, а после перебили. Потом дружина осадила сам город: Ольга пообещала жителям, что снимет осаду, если ей вынесут по голубю и воробью с каждого двора – а когда ей доставили птиц, велела привязать к каждой по горящему углю и выпустить на волю. Птицы будто бы вернулись в свои гнезда, и город сгорел. Жителей же частично перебили, частично взяли в рабство, а выживших обложили данью.

Трудно сказать, чем была вызвана столь жестокая расправа: горевала ли Ольга об убитом муже, столь горячо любимом, что за его смерть было мало простой мести, или она, как истинная правительница, просто не могла допустить, чтобы восстание подданных осталось безнаказанным. Возможно, она лишь действовала так, как учил ее Олег – уничтожать врагов до последнего, дабы некому было мстить.

Как бы то ни было, первое же деяние Ольги в качестве единоличной правительницы Киева показало, что она будет править не по-женски твердо и решительно. В ее житии сказано: «Управляла княгиня Ольга подвластными ей областями Русской земли не как женщина, но как сильный и разумный муж, твердо держа в своих руках власть и мужественно обороняясь от врагов».

Памятуя о судьбе своего мужа, погибшего из-за собственной жадности, Ольга повелела раз и навсегда упорядочить размер собираемой дани. Для этого она объездила свое княжество и, изучив его, установила систему «погостов» (от слова «гость» – «купец»): административных округов, во главе которых были поставлены управители-тиуны. Тиуны собирали подати, согласно установленным княгиней нормам, и после отправляли их к княжескому двору – так началось централизованное налогообложение.

Позже по погостам стали строить храмы, и со временем понятия церковного прихода и погоста столь слились, что слово «погост» стало означать прицерковное кладбище.

Две трети собранного Ольга отдавала в распоряжение Киевского веча, а треть оставляла на княжеские нужды – в основном эти средства шли на строительство и военные расходы.

При Ольге были установлены первые границы с укрепленными богатырскими заставами, строились и обрастали стенами города, развивалось каменное строительство: в Киеве

при Ольге были выстроены богато украшенный дворец на Вышгороде, то есть на Старокиевской горе, за городом – терем, на торговой площади – круглая башня, которая могла сохранить от пожаров и нашествий городскую казну.

Мощная держава, в которую превратила свои владения Ольга, привлекала внимание иностранных торговцев: в Киев привозили свои товары немцы, датчане, шведы, греки и многие другие.

Со временем Ольга задумалась об укреплении авторитета ее страны перед великими соседскими державами, в первую очередь перед Византией. Если раньше для Византии Русь была тем местом, откуда приходили с набегами князья, то Ольга решила доказать царьградским василевсам, что ее княжество достойно встать в один ряд с любым государством мира. Как отмечают жития, в это же время она, мучимая душевными терзаниями о смысле своей жизни, все чаще стала прислушиваться к проповедям христианских священников, наезжавших в Киев с греческими купцами. Возможно, и интерес к христианской религии, помимо политических вопросов, заставил Ольгу отправиться с посольством в Константинополь.

Считается, что около 957 года Ольга во главе большого – более ста человек – посольства прибыла в Царьград, где намеревалась заключить с императором торговые и военные договоры, а также сосватать своему подрастающему сыну жену из императорского дома. После долгого – по всей видимости, весьма оскорбительного для гордой княгини – ожидания ее с почетом принял император Константин. Все договора были заключены, однако о браке царевны с русским князем Константин говорить наотрез отказался: слишком незнатным был потомок Рюрика для василевсов из Царьграда.

Зато, по преданию, сам император воспылал страстью к русской княгине: он будто бы даже посватался к ней, очарованный ее красотой и мудростью. Ольга, со свойственным ей умом, отвечала: «Я язычница, ты же христианин, негоже нам вступать в брак. Если хочешь крестить меня, то крести меня сам, – иначе не крещусь».

Ольга приняла крещение – таинство совершил над нею сам патриарх Феофилакт, а император Константин стал ее восприемником от купели. В крещении Ольга получила имя Елены – в честь святой равноапостольной императрицы Елены, матери святого Константина, которая обрела крест господень. Согласно летописям, после обряда патриарх сказал: «Благословенна ты в женах русских, ибо оставила тьму и возлюбила Свет. Благословят тебя русские люди во всех грядущих поколениях, от внуков и правнуков до отдаленнейших потомков твоих». Она же склонила голову и стояла, словно губа напаяемая, внимая учению, и, поклонившись Патриарху, промолвила: «Молитвами твоими, владыко, да сохранена буду от сетей вражеских».

Император снова предложил Ольге вступить в брак – однако та ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью. А у христиан не разрешается это, – ты сам знаешь». И ответил император: «Перехитрила ты меня, Ольга».

Скорее всего, это лишь легенда: император Константин был женат, да и Ольга была уже в довольно преклонных годах. Скорее всего, она приняла крещение, потому что сама искренне хотела стать христианкой, и это решение не было ни спонтанным, ни принятым ради каких-то целей, а глубоко продуманным и выстраданным.

По некоторым данным, во время визита в Константинополь в свите Ольги был христианский священник, из чего можно сделать вывод, что она уже была крещена. Хотя, возможно, священник сопровождал греков-христиан из свиты княгини.

Несмотря на оказанные почести и принятое от самого патриарха святое крещение, исходом посольства Ольга осталась недовольна. Об этом свидетельствует ответ, который Ольга дала византийским послам, прибывшим в Киев просить обещанную по договору военную помощь: «Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе

воев в помощь». Возможно, именно поэтому священников для Киева Ольга, желавшая нести свет христианской веры своим подданным, решила просить не в Царьграде, а в Германии. В те времена различия между западной и восточной ветвями христианской церкви еще не привели к окончательному их разрыву, и христианскую миссию в Киеве возглавил епископ Либуций из Майнца.

Обретя новую веру, Ольга со страстью и упорством взялась за обращение своих земель. Она строила храмы – при ней были основаны церкви Святителя Николая и Святой Софии в Киеве, Благовещения Пресвятой Богородицы в Витебске, Святой Живоначальной Троицы – во Пскове. Этот храм Ольга возвела после видения, которое было ниспослано ей на берегу реки Великой: три светящихся луча с неба, символизовавшие Святую Троицу.

Только родной сын Ольги князь Святослав отказывался принимать христианскую веру, как ни уговаривала его мать: по свидетельству летописцев, он сам был не прочь, но боялся, что его «засмеет» собственная дружина, поклонявшаяся по древнему воинскому обычаю Перуну – ссориться же с дружиной князь, почти постоянно с кем-то воевавший, позволить себе не мог. Но ежели кто сам решал креститься, то князь не препятствовал этому, хотя и позволял себе, по словам летописи, «насмехаться».

Он уже давно вошел в возраст и правил самостоятельно, однако большую часть времени Святослав проводил в походах. Как говорит Повесть временных лет, «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно пардус, и много воевал». В его отсутствие княжеством по-прежнему управляла Ольга, а когда сын возвращался – проводила время за рукоделием и воспитанием внуков.

У Святослава было трое сыновей, из которых, по словам летописей, Ольга больше всего любила младшего, незаконного Владимира – будущего великого князя, крестителя Руси. Семена веры заронила в нем бабушка – княгиня Ольга. В 968 году, покуда Святослав был в военном походе, на Киев напали печенеги: они окружили город, в котором находились Ольга с малолетними княжичами. Княгиня руководила обороной города, что было весьма нелегко – почти все воины ушли вместе со Святославом. Лишь чудом удалось известить Святослава: «Ты князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою землю покинул. А нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то захватят нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери и детей своих?» Бросив все, Святослав помчался на выручку родному городу и снял осаду с Киева, жители которого уже начинали изнемогать от голода. Едва освободив город, князь стал собираться в новый поход – однако Ольга сказала: «Видишь, я больна. Куда хочешь уйти от меня? Когда похоронишь меня, отправляйся куда захочешь».

Через несколько дней княгиня Ольга скончалась – согласно летописи, это произошло 11 июля 969 года. Согласно своей последней воле, Ольга была похоронена без тризны, по христианскому обряду. Позже ее внук, князь Владимир, повелел перенести ее мощи в построенную им Десятинную Успенскую церковь. Мощи были упокоены в каменном саркофаге, и через окошко в крышке можно было наблюдать ее нетленное тело. Причем, по свидетельству летописцев, истинно верующим было видно не только лицо святой княгини, но и изливающееся от него сияние: «Иже с верою придет, отворится оконце, и видит честное тело лежащее цело и дивится чуду таковому – толико лет в гробе лежаще телу неразрушившемуся. Достойно похвалы всякой тело то честное: в гробе цело, яко спя, почивает». Неверующие же видели просто каменный саркофаг.

В Повести временных лет о княгине Ольге сказано: «Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед рассветом. Она ведь сияла, как луна в ночи; так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи; были тогда люди загрязнены грехами, не омыты святым крещением». Княгиня Ольга чтится христианской церковью как равноапостольная – подобной чести, кроме нее, удостоены лишь четыре жен-

щины за всю историю христианства. Память равноапостольной Ольги празднуется православными церквями русской традиции 11 июля по юлианскому календарю, а католическими и другими западными церквями – 24 июля по григорианскому. Она считается покровительницей вдов и новообращенных христиан, но также и святой заступницей земли Русской.

Жанна д'Арк



Жанна-девственница

Историки справедливо отмечают: ни про кого из ее современников нам не известно так много, и в то же время ни про кого другого мы не знаем так мало. Кажется, ее жизнь подробно описана во множестве источников: изыскания Лионского собора, документы судебного процесса, многочисленные свидетельства, собранные оправдательным следствием и комиссией по бонификации. Но ни один из сохранившихся документов не дает ответа на вопрос – кем же была Жанна из Лотарингии, как ей удалось спасти Францию?

В настоящее время существует множество версий рождения, жизни и гибели прославленной Орлеанской девы. Традиционная версия гласит, что родилась она 6 января 1412 года (хотя в декрете о бонификации, подписанном папой Пием X в 1904 году, значится 1409 год). Она появилась на свет в лотарингской деревне Домреми в семье зажиточных крестьян (по другой версии – обедневших дворян) Жака д'Арк и Изабеллы Роме.

В семье, кроме Жанны, были еще трое сыновей и дочь. Кстати, фамилия д'Арк вовсе не обязательно была дворянской: в те времена она чаще обозначала просто «выходцев из Арка», а местечек с таким названием во Франции было несколько. Сама Жанна никогда не называла себя по фамилии, подписываясь как Жанна или Жанна-дева, да и написание фамилии было расплывчато: встречались варианты Дарк, Тарк, Дай и другие.

Ее детство пришлось на самый тяжелый период истории Франции. Уже сто лет бушевала Столетняя война, наконец вошедшая в свою, казалось, решающую стадию: после того, как английский король Генрих Пятый разгромил при Азенкуре французское войско, а королева Изабелла Баварская, правившая Францией вместо своего сумасшедшего супруга Карла Шестого, подписала в Труа договор, согласно которому французская корона переходит, минуя ее сына Карла, к Генриху Пятому и его наследникам. Происхождение Карла представлялось всем весьма сомнительным: ко времени его рождения король Карл Шестой уже давно не жил со своей супругой. После подписания договора Генрих женился на дочери Изабеллы Екатерине Валуа, и когда в 1422 году скоростижно скончался сначала Генрих, а затем и Карл Шестой, Франция официально перестала существовать: страна перешла к новорожденному английскому королю Генриху Шестому.

Дофин Карл, отстраненный от власти родной матерью, объявил себя королем Карлом Седьмым и окопался в замке городка Бурж: хотя его признали несколько крупных провинций, никакой реальной власти у Карла Седьмого не было. Между тем английские войска продвигались на юг: они старались соединиться с давно принадлежавшими им Гиенью и Аквитанией, и на их пути стоял лишь Орлеан, никак не желавший сдаваться. Карлу было нечего противопоставить англичанам: у него не было ни войска, ни денег, ни власти. Он мог лишь ждать и уповать на милость Бога.

Между тем юная Жанна росла под крылом любящих родителей работающей, доброй, тонко чувствующей и очень набожной. По ее собственному признанию, с двенадцати лет она слышала голоса святых, которые разговаривали с нею, и даже лично видела архангела Михаила, святую Екатерину и святую Маргариту. Поначалу они просто наставляли ее в вере, а затем стали призывать на подвиг во имя спасения ее страны. Она должна была снять осаду с Орлеана, короновать дофина в соборе Реймса и изгнать англичан. Родители, которым девушка рассказывала о своих видениях, поначалу не знали, что и думать: отец считал, что его дочь блажит и что замужество излечит ее от видений, зато мать и братья поддерживали Жанну. В мае 1428 года она, в сопровождении дяди, отправилась в расположенный неподалеку город Вокулёр и обратилась к Роберу де Бодрикуру, капитану королевского отряда в Вокулёре, потребовав проводить ее к королю. Тот лишь рассмеялся: по одной из версий

жития Жанны, он даже повелел отдать дерзкую девушку на поругание солдатам, но те, устыдившись ее чистоты и невинности, не тронули ее.

Разозленный отец Жанны попытался было отдать дочь замуж, но та с удивительной для того времени смелостью разорвала уже заключенную помолвку: оскорбленный жених даже вызвал ее в суд, но Жанна отстояла свою честь, доказав, что сама она никогда не желала вступать в брак.

В феврале Жанна снова приехала в Вокулёр: по легенде, она рассказала де Бодрикуру, что именно сейчас под стенами Орлеана идет сражение, которое закончится поражением французов, однако город не будет сдан. Через несколько дней прибыли гонцы: именно в тот день большой отряд французов напал на английский обоз, перевозивший осаждающим продовольствие, и потерпел крупное поражение: в битве погибли полтысячи французов и шотландских наемников. Эта битва, вошедшая в историю под названием Селедочной (в обозе везли преимущественно бочки с селедкой, которые англичане превратили в импровизированные бастионы), сильно подорвала боевой дух защитников Орлеана: поговаривали даже о сдаче города, уверовав, что Бог не на стороне Франции.

Явившуюся в это время с пророчествами Жанну восприняли как настоящую божью посланницу: только такая юная, чистая дева и могла, по мнению людей, спасти страну, погрязшую в разврате и кровопролитии. Горожане даже собрали деньги и купили Жанне одежду и коня, чтобы она могла в достойном виде предстать перед королем. Даже де Бодрикур сдался: он назначил Жанне сопровождающих, среди которых были ее братья и будущие верные соратники Жан де Мец и Бертран де Пуланжи, и велел сопроводить ее в Шинон, где тогда располагался двор Карла Седьмого. Жанна в мужской одежде, которую ей одолжил Жан де Мец, возглавила свой маленький отряд. С тех пор она почти все время носила мужскую одежду, объясняя это как удобством в военных походах, так и тем простым фактом, что она была единственной девушкой среди множества мужчин. Мужское же платье, с одной стороны, поможет ей скрыть свою женственность, а с другой – защитит от посягательств, если такие вдруг случатся: в отличие от легких платьев тогдашние штаны-шоссы (больше напоминавшие чулки, крепившиеся к поясу с помощью множества крючков) было не так-то просто снять.

Через несколько дней Жанна прибыла в Шинон, где ей, по легенде, устроили первое испытание: ее проводили в зал, где стояло около трех сотен придворных, однако она безошибочно направилась прямо к королю. Жанна преклонила перед ним колени и объявила: «Благородный дофин, меня зовут Девой Жанной. Я послана к вам Богом помочь вам и вашему королевству. И объявляет вам Царь Небесный через меня, что вы будете помазаны и венчаны в Реймсе и будете наместником Царя Небесного, Который есть Король Франции» – для этого ей нужно лишь благословение короля и войско. После личного разговора Жанне удалось убедить Карла в своей высокой миссии, однако тот не спешил сразу выполнить ее просьбу: то ли король по характеру был весьма нерешителен, то ли все еще колебался, сомневаясь, была ли ее помощь от Бога или совсем наоборот. Между тем Жанна, как вспоминают, поразила королевский двор своим искусством верховой езды и мастерством в некоторых играх, принятых лишь среди аристократии. Наконец Карл распорядился, чтобы Жанну испытали: сначала высокопоставленные дамы, среди которых были теща Карла Иоланда Арагонская, герцогиня Анжу, и его жена – Мария Анжуйская, засвидетельствовали ее девственность, а затем целый сонм богословов в Лионе испытывал Жанну в вере, в то же время собирая свидетельства о ее благонравии. Наконец они подтвердили: «принимая во внимание ее жизнь и поведение, в ней нет ничего дурного, ничего противного правой вере». Собор даже одобрил ношение ею мужской одежды, благо примеры такого поведения были нередки в житиях святых дев.

Наконец король вручил Жанне командование войсками: для нее были изготовлены белые доспехи, а из собора Сент-Катрин-де-Фьербуа ей, согласно ее видению, доставили древний меч, принадлежавший будто бы самому Карлу Великому. Войска, обретшие в лице Жанны живой символ своей будущей победы, рвались в бой: наконец Бог явил живое подтверждение тому, что они правы!

Первым делом она написала письмо английскому королю и его соратникам: «Король Англии и вы, герцог Бедфордский, ... покоритесь Царю Небесному, верните Деве, посланной сюда Богом, Царем Небесным, ключи всех славных городов, которые вы взяли и разграбили во Франции. Она здесь и пришла от Бога, чтобы вступить за королевскую кровь. Она готова немедленно заключить мир, если вы хотите признать ее правоту, уйдя из Франции и заплатив за то, что ее захватили. Если вы так не сделаете, то я – военачальник и в любом месте буду нападать на ваших людей и заставлю их убраться вон, хотя бы они этого или не хотят. А если они не захотят слушаться, я прикажу всех убить; я здесь послана от Бога, Царя Небесного, душой и телом, чтобы изгнать вас из всей Франции. А если они захотят послушаться, я пощажу их. И не думайте, что выйдет как-нибудь иначе, потому что вам никак не удержать владычества над французским королевством – королевством Бога, Царя Небесного, но владеть им будет король Карл, истинный наследник; потому что такова воля Бога, Царя Небесного». И подписалась: Иисус, Мария и Жанна-Девственница.

Всего за неделю Жанна сделала то, чего королевским войскам не удавалось несколько месяцев: она освободила Орлеан с минимальными потерями, проявив при этом, по словам интересовавшегося ее жизнью Наполеона, «гений в военном деле». Даже ее опытные в военном деле соратники отмечали, что Жанна вела себя «как если бы она была капитаном, прошедшим на войне двадцать или тридцать лет». Магистрат Орлеана вписал в городскую летопись, что освобождение города является величайшим чудом христианской эпохи, и с тех пор день снятия осады – 8 мая, праздник явления архангела Михаила – посвящал памяти Девы.

С тех пор ее прозвание – Орлеанская девственница – победным кличем пронеслось по стране, воодушевляя французов на подвиги во имя независимости отечества. Историки отмечают, что в войске Жанны воскресли позабытые законы рыцарской войны: ее солдаты постоянно молились, не воевали в церковные праздники, не грабили, не насиловали и даже – единственный случай – не возили с собой проституток. По многочисленным свидетельствам, сама Жанна не пролила ничьей крови и после битвы оплакивала всех павших, не разбирая национальности. Все это превращало ее в живую святыню: воевавшие с нею отмечали, что, хотя она была весьма привлекательна – миловидное лицо, стройная фигура, густые черные волосы, прекрасный голос – ни у одного из мужчин не возникло по отношению к ней греховных мыслей. Многие отмечали, что она постоянно общалась со своими святыми покровителями (иногда даже во время битвы или беседы), при этом ее лицо озарял необыкновенный свет. Среди ее пророчеств часто повторялось одно: Дева утверждала, что она проживет не больше года. Но это было единственным ее пророчеством, в которое никто не хотел верить.

Через месяц Жанна выступила в новый поход: за девять дней ее армия победоносным шествием прошла вдоль Луары, освобождая занятые англичанами замки, в итоге разгромив англичан в битве при Пате. А через десять дней отправилась в поход в Реймс, где должен был короноваться Карл: город за городом открывал ворота перед армией Девы, и наконец 17 июля 1429 года Карл Седьмой короновался в Реймском соборе, традиционном месте миропомазания французских королей со времен Карла Великого. Рядом с Карлом стояла Жанна с собственной хоругвью в руках. Эту хоругвь – белое поле, усыпанное золотыми лилиями, – она заказала еще в Вокулёре и пронесла через все битвы.

Король был счастлив: наконец его права на престол были подтверждены святым обрядом. И от радости широкой рукой раздавал милости направо и налево. Двор ликовал, а вот

Жанна рвалась продолжать борьбу – но ни королю, ни придворным уже не было дела до битв. И все же ей удалось снова убедить короля в своей правоте. После долгих споров она повела войска на Париж, но атака была отбита, а сама Жанна ранена. Энтузиазм войск начал падать: любой экстаз трудно поддерживать долго, а Жанна будто предчувствовала скорый конец. Наконец в мае 1430 года – всего через год после Орлеанской победы – Жанна, пришедшая на помощь осажденному бургундцами Компьеню, попала в плен: предатели подняли мост и отрезали ей путь к отступлению.

Король ничего не сделал, чтобы вызволить из плена спасительницу своего трона. Через несколько месяцев Жанну за 10 тысяч золотых ливров продали англичанам: в конце 1430 года ее перевезли в Руан, где предали церковному суду.

Обвинение возглавлял епископ Бове Пьер Кошон, давно ненавидевший Жанну. Ее обвиняли, среди прочего, в колдовстве, ложных пророчествах, ереси, пособничестве дьяволу, кощунстве, обольщении короля, ношении мужского платья, самовольном сношении с духами и неподчинении Церкви. Во время процесса Жанна сохраняла удивительную твердость духа, поразительную в столь юной девушке перед лицом столь суровых обвинителей: ее ответы были столь прямы, остроумны и глубоки, что могли бы посрамить любого ученого богослова. Однако суд был заведомо уверен в ее виновности и даже пошел на прямой подлог, чтобы получить признательные показания. Однажды Жанну привели на место казни и дали подписать документ, согласно которому она принимает власть Церкви – в таком случае ее должны были перевести из военной тюрьмы, где девушку содержали под постоянным надзором солдат, в церковную темницу, где за ней присматривали бы женщины.

Однако неграмотной Жанне подсунули на подпись полное признание своей вины, и к тому же оставили в прежнем узилище, лишь выдав женское платье вместо мужского, что было на ней. Однако Жанна либо отказалась переодеться на глазах у стражи, либо предпочла отказаться от женского наряда, дабы не провоцировать их похоть – и через несколько дней судьи зафиксировали, что Жанна упорствует в своей ереси. Согласно тогдашнему праву, в этом случае еретик не мог рассчитывать на прощение Церкви: 30 мая – ровно через год после пленения – на площади Старого рынка в Руане был оглашен окончательный приговор Жанне: она объявлялась вероотступницей и еретичкой, отлучалась от Церкви и предавалась светскому суду. В тот же день ее сожгли на костре. По преданию, вечером того же дня палач, проводивший казнь, на исповеди поведал священнику, что сердце Девы не сгорело: это было явным признаком ее святости. Останки Жанны были выброшены в реку – чтобы ничьи руки больше не осквернили ее.

Уже через четыре года Франция возобновила войну, и к 1453 году англичане были изгнаны с французской земли. Карл наконец вспомнил о Жанне: был проведен еще один судебный процесс, полностью очистивший ее имя от всех обвинений, а ее саму признавший «возлюбленной дочерью Церкви и Франции». Семья Жанны получила дворянство, герб – на синем поле лук и три стрелы – и фамилию де Лис, а также щедрый подарок и должности. Уже в XX веке Жанна д'Арк была канонизирована: указ об этом огласил 9 мая 1920 года папа Бенедикт XV.

Пепел Жанны еще не успел остыть, как ее образ начал обрастать немислимыми легендами. Утверждали, что она не погибла на костре: вместо нее сожгли похожую на нее преступницу, а сама Жанна спаслась. Появилось несколько лже-Жанн, самой известной была Жанна дез Армуаз, которую признали даже братья Девы. Появились многочисленные легенды и о ее происхождении – многие до сих пор имеют своих сторонников. Согласно одной из версий, Жанна на самом деле была дочерью Изабеллы Баварской и брата ее мужа, герцога Людовика Орлеанского: в пользу этой теории говорит и необъяснимая легкость, с которой Жанне удалось пробиться к королю, и те познания в благородных науках, которые она показывала, и почет, который оказывали ей особы королевской крови, – вполне понятный, будь Жана и

правда дочерью королевы, хоть и незаконнорожденной, но совершенно невозможный, если она была лишь дочерью крестьянина. Исследователи отмечают, что Жанну называли Орлеанской девой еще до того, как она взяла Орлеан (в таком случае это не почетное прозвище, а отсылка к титулу ее отца), и что простая девушка вряд ли бы удостоилась чести пройти проверку на девственность у двух королев. Противники этой версии отмечают лишь то, что она предполагает тотальное лжесвидетельство всех выступавших на трех процессах, включая саму Жанну, – во что никто не желает верить.

От нее не осталось ни прижизненных изображений, ни мощей, ни документов. Но кем бы ни была на самом деле Орлеанская дева, ее подвиг и ее имя останутся в веках.

Екатерина Медичи



Черная вдова

Уже четыре века ее имя волнует воображение историков, наделяющих ее всеми пороками и в то же время оплакивающих ее трагическую судьбу. Три десятка лет она единолично удерживала на плаву тонущий в океане смут корабль французского государства и скончалась, так и не узнав, что судно все же село на мель: династия закончилась, ее дети умерли бездетными, бесконечные конфликты расшатали страну...

Она всегда верила в судьбу, но, тем не менее, считала возможным переломить ее ход. Вся ее жизнь была сплошной чередой случайностей, где дары фортуны чередовались с отравленными яблоками неудач. И все же она вошла в историю как одна из самых знаменитых правительниц, как необыкновенно сильная королева – и как удивительно несчастная женщина. Екатерина Мария Ромола ди Лоренцо ди Медичи появилась на свет 13 апреля 1519 года во Флоренции: ее родителями были герцог Урбинский Лоренцо Второй и юная Мадлен де ла Тур, графиня Оверньская.

В новорожденной соединились богатство, связи и удача банкирского рода Медичи с голубой кровью и влиянием рода де ла Тур д'Овернь, суверенных правителей Оверни. Казалось, судьба невероятно благоволила к юной Екатерине – однако ее мать скончалась, когда девочке было всего две недели от роду, а отец, который был тяжело болен еще до ее появления на свет, умер несколько дней спустя. Екатерина, унаследовавшая герцогство Урбинское, немедленно стала важной фигурой в политических играх: за влияние на нее, последнюю ветвь знатнейшего рода, боролись король Франции, папа римский и многие другие влиятельнейшие мужи: слишком богато было герцогство, слишком мятежной была Флоренция, слишком известной была семья Медичи.

О девочке заботилась сначала бабушка Альфонсина Орсини, а когда та умерла – тетья Кларисса Строщи, воспитавшая племянницу вместе со своими детьми и еще двумя Медичи – Алессандро, незаконнорожденным сыном Лоренцо, и Ипполитом, сыном Джулиано Медичи. Предполагалось, что Ипполит женится на Екатерине и будет править Урбинским герцогством, однако Флоренция взбунтовалась и изгнала всех Медичи из города – кроме восьмилетней Екатерины, о которой поначалу, скорее всего, забыли. Она оказалась заложницей: ее заперли в монастыре Святой Лючии, и потом два года она провела в разных обителях на положении почетной пленницы – впрочем, сестры-монахини как могли баловали Екатерину, «хорошенькую девочку с очень изящными манерами, вызывавшую всеобщую любовь», как записано в монастырской хронике.

Когда Екатерине было десять, Флоренцию осадили войска Карла Пятого, императора Священной Римской империи. В городе начались чума и голод, в которых поспешили обвинить Медичи – исторических «козлов отпущения» для Флоренции. Юную Екатерину даже хотели вывесить на стенах города – дабы осаждающие, ее родственники, имели удовольствие сами убить ее либо отдать на растерзание солдатам. Лишь скорая сдача города спасла Екатерину – ее взял под свою опеку ее дядя Джулио Медичи, он же папа римский Климент VII.

Девочка поселилась в Риме, в роскошном дворце Медичи, прославленном своим богатым убранством из разноцветного мрамора, прекрасной библиотекой и великолепным собранием картин и статуй. Это время было самым счастливым в жизни девочки: наконец она была в безопасности, окружена любовью и роскошью. Пока она изучала древние фолианты в библиотеке Медичи или любовалась прекрасной архитектурой Рима, ее дядя был озабочен тем, как бы повыгоднее устроить будущее племянницы: хотя Медичи и не могли похвастаться благородной голубой кровью истинных аристократов, они были достаточно богаты и влиятельны для того, чтобы юная Екатерина стала одной из желаннейших невест Европы.

И пусть Урбинское герцогство досталось Алессандро, приданое Екатерины было огромным: оно состояло из 130 тысяч дукатов и обширных владений, включавших Пизу, Ливорно и Парму. И сама Екатерина, хоть и не считалась красавицей, все же была весьма привлекательна: густые темно-рыжие волосы, точеное лицо с большими выразительными глазами, в которых светился незаурядный ум, прекрасное стройное тело – правда, для того времени она считалась слишком худой и невысокой. Однако ее руки добивались, например, принц Оранский и шотландский король Яков V. Однако из всех претендентов Климент VII отдал предпочтение Генриху де Валуа, герцогу Орлеанскому – второму сыну французского короля Франциска Первого. Екатерине было всего четырнадцать, когда ее обручили с французским принцем.

Бракосочетание состоялось в Марселе 28 октября 1533 года: после пышного торжества, на котором присутствовало все высшее духовенство Европы и половина знатнейших аристократов, четырнадцатилетние новобрачные отправилась в свои покои, дабы исполнить обряд первой брачной ночи. Говорят, наутро Екатерина уже была по уши влюблена в своего мужа: эту любовь, хоть и омраченную многими обидами, она пронесет через всю жизнь.

После 34 дней постоянных торжеств молодые наконец отправились в Париж. В свите Екатерины во Францию впервые прибыли профессиональный повар, поразивший избалованный двор своими изысканными и необычными блюдами, парфюмер (а заодно, как поговаривали, составитель ядов), а также астролог, портной и множество слуг. Екатерине удалось поразить парижан: ее прекрасные ножки были обуты в удивительной работы туфельки на высоком каблуке, а роскошные драгоценности могли затмить сияние солнца. Франциск Первый, очарованный умной и начитанной невесткой, с первых же дней взял ее под свое покровительство.

Однако уже через год папа Климент скончался, и его преемник Павел III отказался выплатить приданое Екатерины, а также порвал все отношения с Францией. Екатерина мгновенно потеряла всю свою ценность: Король Франциск в письме жаловался, что «девочка приехала ко мне совершенно голой». Двор, еще недавно благоволивший юной принцессе, отвернулся от нее: ее стали называть «итальянкой» и «купчихой» и высмеивать за светскую неопытность и плохой французский язык. В то время французский двор был местом, где ценились утонченность вкуса, благородство манер, поэтические игры и изысканные беседы, а Екатерина не могла похвастаться ни блестящим образованием, ни светской образованностью и чувствовала себя при дворе чужой. К тому же ее обожаемый муж не на шутку влюбился в другую: словно в насмешку над юной герцогиней, избранницей Генриха стала красавица-вдова Диана де Пуатье, старше его почти на двадцать лет. Диана немедленно обрела такое сильное влияние на Генриха, что тот практически забыл о своей законной жене.

Между тем в 1536 году неожиданно скончался наследник престола дофин Франциск: разгоряченный после игры в мяч, он выпил ледяной воды и через несколько дней умер от простуды. Уже тогда ходили слухи, что дофина отравили, и виновницей называли Екатерину, которой его смерть, конечно же, была очень выгодна – однако эти предположения отверг даже сам король Франциск, по-прежнему благоволивший невестке. Однако перед ней теперь стояла главная проблема: необходимо было дать Франции наследника. Больше десяти лет Екатерина старалась забеременеть: она применяла все возможные средства – от коровьего помета на животе до помощи астрологов. До сих пор неясно, что именно ей помогло – чаще всего пишут, что Генрих имел какой-то физический недостаток и был вынужден или сделать операцию, или заниматься любовью с супругой в строго определенной позе. Часто упоминают также знаменитого Мишеля Нострадамуса, врача и прорицателя: будто бы именно его искусство наконец помогло Екатерине забеременеть. Как бы то ни было, 20 января 1544 года Екатерина родила сына, окрещенного в честь деда Франциском – говорят, тот даже проследил за ней, узнав об этом. Со временем она родила еще девятерых детей, из которых выжило

семеро: четыре сына и три дочери. После последних родов – на свет появились две девочки, одна из которых умерла еще в утробе, а вторая не прожила и недели, – Екатерине посоветовали больше не иметь детей. Казалось бы, Екатерина надежно обеспечила династию наследниками; но время показало, что это было совсем не так.

Заброшенная мужем Екатерина утешалась тем, что собрала при своем дворе самые яркие таланты: она покровительствовала художникам и поэтам, коллекционировала книги и предметы искусства, не только оттачивая свое образование, но и повышая престиж французского двора перед лицом Европы, а также заботясь о своем реноме. Уже скоро всем стало известно, что Екатерина – одна из самых умных, понимающих и утонченных женщин мира. Всем, кроме ее собственного мужа, который по-прежнему любил лишь Диану.

Считается, что именно Екатерине французы обязаны высокой кухней, развившейся при дворе под влиянием ее итальянских поваров. Она же изобрела дамское седло – до нее женщины ездили верхом, сидя на своеобразной скамеечке, что было весьма неудобно. Екатерина же ввела в моду панталоны, позволявшие не только ездить верхом, но и прикрыться от простуд и грязи. Кроме этого, Франция обязана ей балетом, узкими корсетами и знакомством с книгой итальянца Макиавелли, чьей верной ученицей Екатерина была всю жизнь. Интриги, которые поначалу были лишь средством спастись от скуки, постепенно стали для Екатерины образом жизни. Говорят, что она организовала целую шпионскую сеть, в нее входили прекрасные фрейлины, которых Екатерина подкладывала нужным мужчинам, пронырливые лазутчики и искусные изготовители ядов. Холодная, расчетливая, лицемерная и властолюбивая Екатерина до поры до времени затаилась – но она верила, что когда-нибудь ее час придет. Во время празднования двадцативосьмилетия дофина Генриха его отец король Франциск скоропостижно скончался, и Генрих унаследовал корону. Королевой, однако, стала скорее Диана де Пуатье, чем Екатерина Медичи: фаворитка нового короля получила не только все земли и драгоценности своей предшественницы, любовницы Франциска герцогини д'Этамп, но и право получать некоторые налоги, а также замок Шенонсо и титул герцогини де Валентинуа. Диана захватила всю власть в королевстве: ни единого решения Генрих не принимал без ее ведома и одобрения.

Екатерине оставалось лишь смириться. Наступив на горло собственной гордости, она не только не вмешивалась в сердечные дела своего мужа – она даже смогла подружиться с Дианой, которая соизволяла иногда «одалживать» королеве ее законного супруга. Лишь однажды Екатерина посмела выразить Диане свое истинное к ней отношение. Она читала книгу, и фаворитка поинтересовалась, что именно читает ее величество. «Я читаю историю Франции и нахожу неоспоримые свидетельства того, что в этой стране блудницы всегда управляли делами королей», – ответила королева.

Такое поведение неожиданно для всех снискало ей немалое уважение супруга: перестав видеть в жене нежеланную обузу, он, наконец, смог разглядеть в Екатерине немалый ум и государственный талант. И даже доверил ей государство во время своего отсутствия – пока муж воевал с германским императором, Екатерина с неожиданными для всех силой и тактом управляла Францией.

Постоянные войны Генриха принесли свои плоды: в апреле 1558 года в Като-Камбрези был заключен мир между Францией и Англией и Францией и Испанией: долгие Итальянские войны были наконец закончены. В залог будущего мира герцог Савойи Эммануил Филиберт получал в жены Маргариту, сестру Генриха, а испанский король Филипп II должен был жениться на его старшей дочери Елизавете. В честь заключения мира по предложению Дианы де Пуатье был устроен рыцарский турнир, на котором по нелепой случайности король Генрих получил тяжелую рану: во время поединка с Габриэлем Монтгомери осколок копья противника вошел королю в глаз и пронзил мозг. Через десять дней он скончался на руках у Екатерины, так и не попрощавшись со своей возлюбленной Дианой.

Генрих еще был жив, когда Екатерина велела Диане покинуть двор, перед этим отдав все драгоценности, которые подарил ей Генрих. Диана удалилась в свой замок Анэ, где тихо скончалась через семь лет. Говорят, она сохраняла свою красоту до последних дней...

Овдовевшая Екатерина была убита горем. В знак скорби она избрала своей эмблемой изображение сломанного копья с надписью *Lacrymae hinc, hinc dolor* («От этого мои слёзы и моя боль»). До конца своих дней она не снимала траурные черные одежды: считается, что Екатерина была первой, кто сделал цветом траура черный – до этого траурные одежды были белого цвета. До самой смерти Екатерина оплакивала мужа, который был ее единственным мужчиной и единственной любовью.

Королем Франции стал пятнадцатилетний Франциск: болезненный и вялый юноша мало интересовался делами государства, ими занималась Екатерина. Однако власть ей пришлось делить с герцогами Гизами: Франциск был женат на Марии Стюарт, дочери их сестры Марии де Гиз, а владевшие Лотарингией Гизы были одной из влиятельнейших в стране семей. Им противостояли правившие Наваррой Бурбоны: соперничество усугублялось тем, что Гизы хранили верность католицизму, в то время как Бурбоны были протестантами: учение Мартина Лютера как огонь распространялось по Европе, грозя расколом и войнами. Сторонники обеих партий распускали о Екатерине множество зловещих слухов: возможно, с их легкой руки ее до сих пор преследуют обвинения во всех внезапных смертях, которых немало случилось среди ее близких. Возможно, впрочем, что эти слухи были правдой – вклевывая власти Екатерина больше ни с кем и никогда не желала ее делить.

В 1560 году Франциск скоропостижно скончался: официально причиной его смерти был назван нарыв мозга, случившийся из-за нарыва в ухе, но Екатерина не преминула обвинить в смерти сына его молодую жену, шотландскую королеву Марию Стюарт: будто бы она была столь охоча до постельных удовольствий, что вконец лишила короля сил. Марии пришлось немедленно покинуть Францию, а на трон взошел десятилетний Карл IX.

Карл, очень похожий на отца и внешне, и характером, обожал мать: во всем ей послушный, он уже на коронации во всеуслышание заявил Екатерине, что «она всегда будет рядом с ним и сохранит право управлять, как это было до сих пор». И Екатерина правила практически безраздельно. В жены сыну она подыскала мягкую и послушную Елизавету Австрийскую – невестка была всем хороша, кроме одного: у нее так и не было сына.

Но Екатерину это не очень огорчает: она родила достаточно детей, чтобы обеспечить преемственность. Куда больше ее волновали все усиливающиеся религиозные распри между католиками и гугенотами: до поры до времени Екатерина умело лавировала между двумя лагерями, не отдавая никому предпочтения и сохраняя равновесие сил. Хотя она выросла при папском престоле, вопросы веры ее не сильно волновали: она искренне считала религиозные споры лишь отголоском политических разногласий, которые вполне возможно примирить, если действовать с умом и тактом.

В конце концов Екатерина сделала решительный шаг: она пообещала свою дочь Маргариту в жены Генриху, королю Наварры и вождю гугенотов. Она надеялась таким образом ослабить партию Гизов, которые имели слишком большую власть, однако со временем ее планы изменились.

Гугеноты поднимали одно восстание за другим, и католики немедленно отвечали на каждое резней и погромами. В то же время король Карл все больше и больше попадал под влияние адмирала Колиньи – фактического главы гугенотской партии. Тот даже смог уговорить Карла объединиться с Англией и объявить войну Испании – чего Екатерина допустить не могла. Она убедила сына, что Колиньи устроил заговор против него: единственным спасением было убить Колиньи и его сторонников-гугенотов. Говорят, раздавленный ее аргументами король воскликнул: «Во имя Господа, убейте их всех!»

В ночь на 24 августа 1572 года началась резня, которая вошла в историю под именем Варфоломеевской ночи: адмирал Колиньи и многие другие гугеноты, приехавшие на свадьбу Генриха и Маргариты, были зверски убиты. Следом начали убивать простых горожан, виновных или заподозренных в гугенотской ереси. Генрих Наваррский уцелел – его спрятали в своих покоях Маргарита, а когда убийцы пришли за ним, он поклялся перейти в католичество. Резня в Париже продолжалась еще неделю, а по Франции ее отголоски слышались в течение месяца. По разным оценкам, погибло от трех до десяти тысяч человек, и далеко не все они были гугенотами.

Как считают историки, первоначально Екатерина и ее сторонники не планировали массовой резни, намереваясь устранить лишь Колиньи и два десятка его ближайших сторонников, однако жаждавшая крови толпа вышла из-под контроля. С тех пор имя Екатерины Медичи навсегда окрасилось кровью – и несмотря на все ее государственные таланты, в людской памяти она осталась той, кто развязал Варфоломеевскую резню.

Между тем католические правители Европы приветствовали инициативу Екатерины: она получила поздравления от папы, испанского короля и многих других, радовавшихся тому удару, который был нанесен по ненавистным еретикам. Лишь ее собственный сын Карл, потрясенный зрелищем кровавой резни, обвинял мать в убийстве. Его здоровье, и без того слабое, ухудшается с каждым днем. Наконец Карл, измученный лихорадкой, скончался в Венсенском замке 30 мая 1574 года, не дожив месяца до своего двадцатичетырехлетия. Причиной его смерти был плеврит, развившийся из-за запущенного туберкулеза. Последними его словами были: «О, моя мать...»

Существует версия, что Карл был случайно убит своей матерью: она приготовила отравленную книгу для Генриха Наваррского, однако первым ядовитые страницы открыл Карл.

Королем Франции стал Генрих III – третий сын Екатерины, ее обожаемый мальчик, «Мое все», как она называла его в письмах. Ради французской короны Генрих отказался от польского трона, на который его избрали в мае 1573 года. Впрочем, поляки и так несильно жаловали нового короля: он был избалованным, эгоистичным ребенком, увешанным драгоценностями и – по слухам – предпочитал в постели мужчин. Когда-то Екатерина планировала женить его на Елизавете Английской, однако та расторгла помолвку. Во время своего польского царствования он влюбился в Луизу Лотарингскую, на которой женился в феврале 1575 года, через два дня после коронации.

В отличие от своих братьев, Генрих занял престол, будучи уже вполне взрослым. Он был в состоянии сам управлять государством и не намеревался уступать власть матери. Та, обожающая Генриха сверх меры, была готова смириться: она взяла на себя роль его посланницы и без усталости колесила по стране, пытаясь примирить католиков и гугенотов. Наибольшие огорчения доставлял ей ее младший сын Франсуа, герцог Алансонский: он постоянно интриговал против брата, затевал заговоры и вел неудачные войны. Военная кампания в Нидерландах, которой руководил Франсуа, провалилась – и через полгода Франсуа скончался. На следующий день Екатерина написала: «Я настолько несчастна, живя достаточно долго, видя, как много людей умирают раньше меня, хотя я понимаю, что желанию Бога нужно повиноваться, что Он владеет всем и то, что Он одалживает нам, только до тех пор, пока Он любит детей, которых Он дает нам».

Смерть младшего сына подкосила Екатерину: из всех ее детей в живых остались только двое – Маргарита, давно рассорившаяся с мужем и ведшая распутный образ жизни, и Генрих – и у обоих не было детей. Будущее династии неожиданно оказалось под угрозой – а Екатерина, всегда такая деятельная, уже ничего не могла сделать.

Она поняла, что пережила свое время. Всесильная королева-мать однажды просто легла в постель и больше с нее не встала, спокойно ожидая неминуемой смерти. Один из

мемуаристов написал: «Те, кто был близок к ней, полагали, что жизнь ее была сокращена досадой из-за поступков ее сына». Екатерина Медичи скончалась в Блуа 5 января 1589 года. По свидетельству ее слуги, перед смертью она прошептала: «Меня раздавило обломками дома...»

Ее похоронили там же, в Блуа – лишь через несколько лет ее прах был перезахоронен в аббатстве Сен-Дени, родовой усыпальнице французских королей.

Всего через восемь месяцев Генрих III был убит религиозным фанатиком, и на престол возшел так ненавидимый Екатериной Генрих Наваррский. Все то, чему она посвятила жизнь, кануло в Лету...

Елизавета Тюдор



Добрая королева Бесс

Королев в истории было много, но Елизавета Великая была одна. Правительница, не пожелавшая разделить бремя власти ни с одним мужчиной. Королева, принявшая страну, разоренную войнами и мятежами, и оставившая Англию сильнейшей мировой державой. Женщина, которой судьбой было отказано в любви, но которая, тем не менее, стала любима и благословляема миллионами...

В последнее время исследователи склонны считать, что образ королевы Елизаветы – Доброй королевы Бесс, Королевы-девственницы, Хранительницы Англии – был намеренно искажен поколениями английских историков, вылепивших из нее образ совершенной правительницы и идеал всех монарших добродетелей, дабы усостыжить ее наследников – королей из династии Стюартов, правителей весьма слабых, предпочитавших думать не о благе страны, а о собственных удовольствиях.

Позднее королева Елизавета стала символом национального величия – ведь именно при ней Англия сместила с ведущих позиций в мировой политике прежнего лидера – Испанию, при ней произошел небывалый расцвет искусства и литературы: недаром Уильяма Шекспира, Кристофера Марло, Бена Джонсона и других называют «елизаветинцами». Лишенная недостатков, сильная и прозорливая правительница, великая королева Елизавета Тюдор стала, пожалуй, одним из главных мифов английской историографии. И в то же время существует другой миф, развиваемый в первую очередь в литературе: Елизавета предстает вовсе не той «железной леди», которой ее рисуют историографы, а скорее женщиной со всеми свойственными ее полу – по мнению писателей – проблемами и слабостями. Она то предстает жестокой завистницей, отправившей свою родственницу, королеву Марию Стюарт, на плаху только потому, что та была красивее и моложе, то изображается легкомысленной кокеткой, коллекционирующей разбитые мужские сердца, сделавшей флирт единственным способом общения с собственными придворными. Одни описывают ее страсть к нарядам, другие вспоминают про связь престарелой королевы и молодого красавца Эссекса.

Бесспорно, ее жизнь, полная самых драматических событий, неожиданных поворотов, неожиданных несчастий и непредсказуемых взлетов, не могла не привлечь к себе внимания историков, писателей и поэтов. Однако не стоит забывать, что на самом деле все было гораздо проще и в то же время гораздо сложнее, чем могут описать гениальные романы или подробнейшие научные монографии.

Принцесса Елизавета, дочь английского короля Генриха Восьмого и его второй жены Анны Болейн, родилась седьмого сентября 1533 года в королевском дворце в Гринвиче. Однако ее рождение, вопреки ожиданиям, не вызвало бурной радости родителей: король хотел сына, и появление на свет еще одной дочери вместо долгожданного наследника его совершенно не обрадовало. В свое время он развелся со своей первой женой, Екатериной Арагонской, дочерью испанского короля и сестрой императора Священной Римской империи, из-за того, что она не дала королю наследников мужского пола – родившийся в 1522 году единственный сын Генрих не прожил и двух месяцев, и из всех многочисленных беременностей королевы в живых остался лишь один ребенок – дочь Мария. Получить развод даже для короля оказалось непросто: для этого Генриху пришлось порвать с католической церковью, основав англиканство, главой которого был он сам. В конце концов брак с Екатериной был аннулирован: Екатерина на момент свадьбы с Генрихом была вдовой его старшего брата Артура, и хотя папа римский выдал официальное разрешение на брак, английский король все же – спустя двадцать лет – решил, что он не имел права жениться на столь близкой родственнице. Принцесса Мария автоматически стала незаконнорожденной.

В январе 1533 года Генрих втайне женился на своей давней возлюбленной Анне Болейн, которая на тот момент была беременна. По одной из легенд, придворный астролог предсказал Генриху, что первый ребенок от Анны станет великим правителем. Увы, к жестокому разочарованию короля, на свет появилась дочь – Елизавета, получившая свое имя в честь матери Генриха. Астролога приказали казнить; больше у Анны детей не было.

Невероятно разочарованный таким поворотом судьбы Генрих охладил к Анне, которую прежде страстно любил. Он стал заглядываться на ее фрейлину Джейн Сеймур, которая была полной противоположностью Анне: королева была страстной брюнеткой, любящей развлечения и наряды, ревливой и капризной, а Джейн – неизменно доброжелательной, тихой, спо-

койной, скромной и белокурой. Когда Елизавете было три года, после весьма предвзятого судебного следствия Анна Болейн была казнена по обвинению в государственной измене. Ее брак с королем был аннулирован, и Елизавета – как и ее сестра – тоже оказалась незаконнорожденной.

На ее положение это мало повлияло: она по-прежнему жила в отведенном для нее дворце Хэтфилд-хаус в компании немногочисленных слуг. Хотя она и не имела официального статуса принцессы, ее образованием занимались лучшие учителя, приглашенные из Кембриджа: английская принцесса, хоть и не признанная официально, все же была завидным товаром на европейском брачном рынке, и ей полагалось достойное образование. С детства Елизавета проявляла большие способности и еще большее усердие в изучении различных наук. К десяти годам она прекрасно говорила на французском, итальянском, греческом и латыни, знала философию, историю и литературу. Книги оставались ее верными спутниками на протяжении всей жизни. Кроме этого, принцесса прекрасно умела танцевать, музицировать, ездить верхом и рукодельничать.

Между тем в королевском дворце происходила одна драма за другой. Джейн Сеймур, ставшая третьей женой Генриха, родила ему долгожданного сына, названного Эдуардом, но сама скончалась через несколько дней. После ее смерти Генрих женился еще трижды: сначала на Анне Клевской, с которой развелся через несколько месяцев, а затем на кузине Анны Болейн Кэтрин Говард, которая разделила судьбу своей родственницы – она была казнена за измену. Историки считают, что казнь Кэтрин – молодой, жизнерадостной, доброй и очень красивой женщины – стала настоящим ударом для юной Елизаветы, успевшей привязаться к молодой мачехе.

Последней супругой Генриха стала в 1543 году Катерина Парр, успевшая к этому времени уже дважды овдоветь. Рассказывали, что она была влюблена в лорда-адмирала Томаса Сеймура – брата Джейн Сеймур, получившего благодаря родству весьма неплохое положение при дворе. Однако когда король стал проявлять недвусмысленный интерес к Катерине, она не посмела ему отказать. Леди Екатерина стала прекрасной супругой для Генриха, заботливой, нежной, понимающей, и любящей мачехой для всех троих королевских детей: она настояла на том, чтобы принцесс принимали при дворе, и сама заботилась об их воспитании и образовании.

Король Генрих Восьмой скончался 28 января 1547 года. Согласно его завещанию, дочери были признаны наследницами престола вслед за своим братом Эдуардом, отныне королем Эдуардом Шестым. Таким образом, они были официально признаны отцом. Через несколько месяцев Катерина Парр вышла замуж за Томаса Сеймура и переехала в его поместье в Челси. Вместе с любимой мачехой поселилась и Елизавета.

Многие историки пишут, что Сеймур, авантюрист и честолюбец, имел виды на юную принцессу: одни считают, что Елизавета была влюблена в него, другие полагают, что он, наоборот, домогался ее, да так грубо, что у девушки навсегда остался ужас перед сексуальными отношениями. Недаром она и в письмах к мачехе, и в беседах с другом детства Робертом Дадли еще тогда утверждала, что не собирается ни выходить замуж, ни иметь детей. Но даже если Сеймур был и ни при чем, причин для такого решения у Елизаветы было предостаточно: ее мать и мачеха вышли замуж – и были казнены, еще одна мачеха умерла при родах. От родов скончалась и Катерина Парр – все это совершенно не вселяло в Елизавету надежду на счастливую жизнь под супружеским кровом.

Всего через несколько месяцев после смерти жены Томас Сеймур был арестован по обвинению в подготовке государственного переворота и вскоре казнен. В частности, ему инкриминировали намерение жениться на Елизавете и свергнуть с престола Эдуарда. На Елизавету, которая уже давно не жила в доме Сеймура, тоже пало подозрение в причастности, но она смогла доказать свою невиновность.

В 1551 году юный король Эдуард пригласил Елизавету ко двору: брат и сестра всегда с любовью относились друг к другу, и она была рада составить ему компанию, хотя и тосковала по вольной жизни вдали от двора с его интригами. Однако царствование Эдуарда было недолгим: в июле 1553 года он скончался от туберкулеза.

Интригами его родственников Сеймуров на престол была обманным путем возведена леди Джейн Грей – правнучка короля Генриха Седьмого. Но скоро англичане воспротивились столь явному нарушению закона: леди Джейн, оставшаяся в истории как «королева на девять дней», была низложена, и на английский престол, при полной поддержке народа, взошла Мария Тюдор. Елизавета была рядом с сестрой. Ярая католичка, Мария Первая стала железной рукой уничтожать любые побег протестантизма, в том числе притесняя и сторонников основанной ее отцом англиканской церкви. Репрессии и казни еретиков были столь многочисленны, что в историю Мария вошла с прозвищем Кровавая. Постепенно в стране росло недовольство ее религиозной политикой, а когда стало известно, что Мария собирается выйти замуж за испанского инфанта Филиппа, ревностного католика, от былой любви народа не осталось и следа. Елизавета, воспитанная в протестантском духе и верная англиканской церкви, естественно, рассматривалась как единственная надежда на восстановление протестантского учения.

Поначалу отношения между сестрами были вполне равными; однако Елизавета не хотела переходить в католицизм, как на том настаивала Мария. Это можно понять: по мнению католической церкви, брак Генриха с ее матерью был незаконным, и следовательно, Елизавета была незаконнорожденной. Юная принцесса старалась, как могла, ладить со своей венценосной сестрой – однако той слишком многие говорили, что Елизавета очень опасна. Мария долго не верила: Елизавета казалась ей легкомысленной, не способной вмешаться в большую политику. Но разгоревшееся в начале 1554 года антипапистское восстание под предводительством Томаса Уайатта настолько напугало Марию, что она повелела заключить Елизавету в Тауэр. Несколько недель принцесса провела там, гадая о своей дальнейшей судьбе. Там же, в Тауэре, находился тогда и Роберт Дадли, друг детства Елизаветы: некоторые считают, что молодые люди виделись во время нечастых прогулок, и общая судьба стала началом их любви.

После недолгого разбирательства Томаса Уайатта казнили: перед смертью он поклялся, что Елизавета ничего не знала о заговоре. Хотя многие придворные настаивали на том, что Елизавету следует оставить в Тауэре, ее все же освободили: скоро предстояло бракосочетание Марии с Филиппом Испанским, будущим королем Испании, и королева перед этим событием решила проявить великодушие. Однако Елизавете не было позволено остаться при дворе: ее сослали в Вудсток под строгий надзор и лишь через год разрешили вернуться в столь любимый ею Хэтфилд.

В апреле 1555 года Елизавету снова призвали ко двору: Мария была на последнем сроке беременности, и присутствие ее сестры было необходимо: если Мария умрет при родах, Елизавета унаследует престол. Однако беременность оказалась ложной: с тех пор положение Елизаветы стало относительно устойчивым – на ее праве наследования настаивал даже Филипп Испанский. Рассказывают, что он весьма благоволил к свояченице: девушка была молода, красива, обаятельна и здорова, в то время как Мария, на одиннадцать лет старше Филиппа, не отличалась ни красотой, ни здоровьем. Филипп строил планы замужества Елизаветы, а едва овдовев, и сам предложил ей руку и сердце.

Мария скончалась 17 ноября 1558 года. Хронисты сообщают, что Елизавета, узнав о смерти сестры, сказала: «Так решил Господь. Чудны дела его в наших глазах».

Елизавета стала королевой в двадцать пять лет – впрочем, выглядела она гораздо моложе: в то время как многие ее сверстницы, изнуренные постоянными беременностями, преждевременно старели, незамужняя Елизавета, чьими любимыми развлечениями были

танцы и охота, заметно выделялась свежестью и здоровьем. Она короновалась 15 января 1559 года в Вестминстерском аббатстве – собор окружали восторженные толпы, видевшие в Елизавете спасительницу страны.

Елизавета наградила всех, кто был рядом с нею в последние годы: в частности, Роберт Дадли получил место конюшего, а Томас Пэрри, много лет заведовавший казной Елизаветы, стал казначеем двора. Государственным секретарем Елизавета назначила Уильяма Сесила, который начинал свою карьеру еще при Эдуарде: выбор был на удивление удачен: Сесил, обладавший бесспорным талантом дипломата и государственного деятеля, верой и правдой служил королеве до самой своей смерти – почти сорок лет. Именно его мудрости, прозорливости и преданности обязана Елизавета многими своими достижениями.

Страна досталась Елизавете в плачевном состоянии: казна пуста, религиозные распри разъедали Англию изнутри, а постоянные войны – снаружи. При Марии Англия стала почти придатком Испании, и теперь надо было не только наладить разрушенную экономику страны, но и укрепить престиж Англии на мировой арене. Время показало, что со всем этим Елизавета – с помощью своих советников – блестяще справилась.

Первым делом молодая королева решила религиозную проблему: она не стала преследовать или как-то ограничивать права католиков, но, тем не менее, снова ввела англиканство как государственную религию. Историки до сих пор спорят, насколько искренней и глубокой была вера Елизаветы, однако все сходится на том, что она была весьма прагматичной даже в вопросах веры.

С первых дней царствования самым главным вопросом было замужество королевы: парламент даже официально просил ее как можно скорее избрать себе супруга, дабы обеспечить наследника. В разное время руки Елизаветы домогались Филипп Испанский и эрцгерцог Карл Габсбург, шведский кронпринц Эрик, герцог Анжуйский и даже русский царь Иван Грозный. Хотя Елизавета не раз говорила, что не собирается выходить замуж, она, тем не менее, не давала сватавшимся монархам решительного отказа: ее своеобразный флирт с ними был немаловажной частью внешней политики Англии.

Однако придворные поговаривали, что истинной причиной переборчивости Елизаветы был тот факт, что она была уже давно влюблена – в того самого Роберта Дадли, который делил с нею заключение в Тауэре: отец Роберта, герцог Нортумберленд, был главой заговора, приведшего на трон Джейн Грей, бывшую замужем за братом Роберта – Гилфордом Дадли. Гилфорд и его отец были казнены, однако стараниями Филиппа Испанского брата Гилфорда были освобождены – вместо Тауэра они оказались на войне с Францией. Позже Дадли, молодой красавец и щеголь, лишь на несколько месяцев старше Елизаветы, был одним из тех, кто скрашивал одиночество принцессы в Хэтфилд-хаусе, а теперь, когда она стала королевой, он получил не только место конюшего, но и орден Подвязки и должность смотрителя королевской резиденции в Виндзоре, не считая множества роскошных подарков.

Елизавета так любила проводить время с Дадли, что совершенно забывала об осторожности: она сажала его рядом с собой, разговаривала, ездила вдвоем на прогулки, в беседах с другими неизменно превозносила его достоинства. По Лондону поползли слухи, что Дадли нередко проводит ночи в королевской опочивальне и что королева даже родила от него сына – однако сама Елизавета была искренне удивлена подобными сплетнями: она круглые сутки была окружена фрейли-нами и может дать клятву, что у нее никогда не было с Дадли ничего предосудительного. Королеве приходилось беречь свою честь: любое пятно на ее репутации могло поставить под удар и ее будущее как королевы, и всю страну.

Между тем слухи продолжали множиться: утверждали, что Дадли собирается жениться на королеве, и его не остановит даже тот факт, что у него уже была жена: несколько лет назад Дадли женился – по всей видимости, по страстной любви – на юной Эми Робсарт,

и хотя Эми никогда так и не была представлена ко двору, скрывать факт своей женитьбы Роберт не мог.

Однако 8 сентября 1560 года Эми Робсарт нашли мертвой: она лежала у подножия лестницы со сломанной шеей. Немедленно стали говорить о том, что Дадли убил свою жену, чтобы иметь возможность вступить в брак с королевой. Елизавета немедленно отдала его от себя и повелела тщательно расследовать обстоятельства гибели Эми Робсарт: хотя расследование показало, что смерть Эми произошла в результате несчастного случая – Эми была давно больна (современные исследователи говорят о раке), и в частности страдала головными кружениями и хрупкостью костей, – это не остановило сплетников, обвиняющих Дадли в гибели жены. Из-за этой трагической истории королева отдала от себя бывшего фаворита и даже отказалась подписывать грамоту на вроде бы обещанный ему титул графа. Однако через два года, когда Елизавета заболела оспой, она назвала Роберта Дадли в качестве лорда-протектора королевства, хотя по статусу эта должность должна была достаться другому. Титул графа Лестера Дадли получил лишь в 1564 году; фаворитом Елизаветы он оставался еще почти три десятка лет.

Перенесенная оспа лишь слегка испортила кожу на лице Елизаветы, прежде безупречно гладкую и белую. Но хотя оспины пришлось прятать под толстым слоем грима, льстецы продолжали наперебой уверять королеву в том, что она прекраснейшая из женщин, а придворные джентльмены поголовно были демонстративно влюблены в свою королеву.

Говорят, Елизавета умело этим пользовалась: чтобы сэкономить деньги, которых всегда не хватало, она с удовольствием перекладывала часть расходов на своих приближенных, которые из любезности оплачивали ее платья, украшения и лошадей. Вместе со своим двором Елизавета много путешествовала, и не только потому, что любила ездить по стране, – останавливаясь в жилищах состоятельных вельмож, она сильно сэкономила на расходах.

Елизавета, женщина молодая и слишком много испытавшая, любила развлечения: балы, охоту, разнообразные игры – карты, шахматы, бильярд, театр и музыку. Много времени королева уделяла верховой езде, прогулкам и чтению. Хотя может показаться, что блеск ее двора должен был стоить огромных денег, на деле она тратила намного меньше, чем ее предшественники и наследники: с одной стороны, она была вынуждена экономить – казна была пуста, зато долги огромны, а с другой – прагматизм и бережливость всегда были в ее характере. Даже роскошные платья, в которых она предстает на своих портретах, нередко переделывались, экономя таким образом немалые деньги.

Несмотря на постоянный флирт, замуж Елизавета так и не вышла. Почему – на этот вопрос историки до сих пор не могут дать однозначного ответа. Одни считают, что она не хотела делить власть с посторонним человеком – ведь если она выйдет замуж, главой семьи и государства станет ее супруг. Другие полагают, что Елизавета имела какой-то анатомический изъян, не позволявший ей стать достойной женой: либо она знала о своем бесплодии, либо вообще по каким-то причинам не могла вступить в интимные отношения – возможно, в этом были виноваты и психическая травма, нанесенная Томасом Сеймуром, и обстоятельства ее детства. Кроме того, Елизавете было категорически невыгодно иметь наследника: пока она остается единственной претенденткой на престол, она может не опасаться возможных переворотов, но стоит ей обзавестись ребенком или хотя бы супругом – и никто не мог дать гарантии, что кто-нибудь не захочет сменить монарха.

Со временем при английском дворе развился настоящий культ королевы-девственницы: Елизавету сравнивали с Девой Марией и языческими богинями, поэты воспевали ее в образах Глорианы и Королевы фей, портреты королевы наполнялись символами ее девственности: она изображалась, например, с решетом или лилией. Даже столь любимый Елизаветой жемчуг, который она носила в изобилии, тоже ведь был символом чистоты и непорочности. Известно, что Елизавета в ответ на уговоры выйти замуж говорила, что с нее будет

довольно, если на ее могиле напишут, что она «жила и умерла девственницей». А одному из придворных она сказала, что «лучше быть незамужней нищенкой, чем замужней королевой».

Наиболее вероятной наследницей английской короны была небезызвестная Мария Стюарт, шотландская королева: она была внучкой Маргариты Тюдор, старшей сестры Генриха Восьмого, и хотя линия Стюартов не была упомянута в завещании Генриха Восьмого, фактически была не последней в очереди наследников. К тому же ее права – как истинной католички, представительницы католического рода, – поддерживал Рим. Корону Шотландии она унаследовала, когда ей было всего несколько дней от роду, и страной от ее имени управляла королева-мать Мария де Гиз. Еще в раннем детстве Марию предполагалось выдать замуж за английского принца Эдуарда, однако в возрасте пяти лет она была просватана за Франциска, сына французского короля, и с тех пор воспитывалась при французском дворе. Советники убеждали ее в том, что именно у нее наиболее веское право на английскую корону, – Мария даже включила английский герб в свой личный и титуловалась как королева французская, шотландская, английская и ирландская.

После внезапной смерти ее супруга, тогда короля Франциска Второго, она вернулась в Шотландию. На руку овдовевшей королевы немедленно нашлось множество претендентов – сама Елизавета предлагала ей в мужья Роберта Дадли, получившего графский титул именно по этому поводу. Однако Мария вышла за молодого, смазливового и весьма недалекого Генри Дарнли, ставшего отцом ее сына – будущего короля Якова. Однако супруги не ладили; всего через полгода Дарнли погиб при загадочных обстоятельствах, и Мария считалась одной из вероятнейших его убийц – особенно учитывая тот факт, что уже через три месяца она вышла замуж за лорда Ботвелла. Все эти события вызвали восстание в стране, в результате которого 24 июля 1567 года Мария Стюарт отреклась от престола в пользу своего сына. Она сбежала в Англию, где попросила убежища у Елизаветы.

Елизавета не была готова ни восстанавливать Марию на престоле, ни оказывать ей какую-либо помощь: Мария по-прежнему считала именно себя законной королевой Англии. Так что у Елизаветы было достаточно причин не любить Марию, помимо простой женской ревности, о которой так любят говорить писатели. По совету лорда Сесила, Марию поселили в замке Карлейл (откуда ее позднее перевели в Шеффилд, где она провела почти восемнадцать лет), давали весьма щедрое содержание, но не допускали ко двору, да и вообще никуда не выпускали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.